

Дмитрий Резаев
Сын ворона

Дмитрий Резаев

Сын ворона

«Издательские решения»

Резаев Д.

Сын ворона / Д. Резаев — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-937075-4

Дракар медленно разворачивался. Вокруг него скользили чайки, видимо, приняв боевой корабль за рыболовецкое судно. Но вот чайки с испуганными криками бросились врассыпную. Рядом с Харальдом на носу корабля опустился ворон. Огромный, черный, с блестящими перьями. Это был несомненно тот самый ворон, в этом Харальд был уверен. Тот ворон, чьим сыном на самом деле был Роарг. Ворон, который создал этот мир. Ворон, который этот мир погубит.

ISBN 978-5-44-937075-4

© Резаев Д.
© Издательские решения

Содержание

ПРОЛОГ. БУРЯ	6
ЧАСТЬ I. ДОБЫЧА	8
ГЛАВА 1. АРКОНА	8
ГЛАВА 2. РИСТАЛИЩЕ	14
ГЛАВА 3. СОСТЯЗАНИЕ УДАЛЬЦОВ	18
ГЛАВА 4. НОВЫЙ ХОЗЯИН УРСМАРКИ	22
ГЛАВА 5. ВЕДУНЬЯ	27
ГЛАВА 6. НАБЕГ	31
ГЛАВА 7. НОЧНОЙ БОЙ	35
ГЛАВА 8. БЕГСТВО АЛЬМЕЙДЫ	40
ГЛАВА 9. ГНЕВ РАДОМИРА	45
ГЛАВА 10. КЛЯТВА МАНФРЕДА	49
ЧАСТЬ II. ПОХИЩЕНИЕ НЕВЕСТЫ	53
ГЛАВА 1. ПОРТРЕТ	53
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Сын ворона

Дмитрий Резаев

© Дмитрий Резаев, 2018

ISBN 978-5-4493-7075-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ПРОЛОГ. БУРЯ

Радомир и еще двое бодричей стояли на песчаной отмели, вглядываясь в темноту. Серебристая луна освещала скалы, обступившие маленькую гавань, невидимую со стороны моря. Волны с тихим шелестом подползали к ногам Радомира и так же неспешно уползали обратно. Длинные русые волосы спадали на плечи, покрытые накидкой из волчьей шкуры. Массивная серебряная пряжка с изображением сокола свидетельствовала о том, что перед нами вождь. О том же говорил и меч на поясе. Рукоятка была украшена сложным рисунком все того же сокола, терзающего добычу. Никто не произносил ни слова. Тишина нарушалась только плеском волн. Ни ветерка, ни крика случайной птицы. Только воздух дрожал от напряжения. Чуть заметно, едва уловимо, но так, что пробирало до самых костей.

Внезапно все изменилось. Свет луны стал стремительно гаснуть. Ее мерцающий след на волнах накрыла гигантская тень. Из-за горизонта выросла черная туча, похожая на разъяренного быка, наклонившего голову для атаки. Она заполнила собой все небо. Луна исчезла. Стало еще тише. Ноздри Радомира расширились, втягивая сухой колючий воздух. Он весь подался вперед. Его спутники тоже подобрались. Один из них, молодой воин с длинным хвостом волос на выбритом черепе, невольно сжал в руках незажженный факел, так что побелели костяшки пальцев.

И в это время раздался гром. Дрожь прошла по морю, по маленькой отмели, завибрировали скалы. Волны вспенились и поднялись, словно встали на дыбы огромные скакуны, и ринулись к берегу. Порыв ветра ударил по бодричам и едва не сбил их с ног. Снова раздался раскат грома. Ветер ринулся вперед, пытаясь смести со своего пути все, и даже сам остров Руя. Волны обрушились на скалы со страшным грохотом. Бодричи вымокли насквозь за мгновение. Но они не обращали внимания на бурю. Они стояли, крепко уперев ноги в берег, и продолжали следить за горизонтом. Небо осветила ослепительная вспышка. На мгновение стало светло как днем. Но и этого мгновения Радомиру оказалось достаточно, чтобы заметить купеческий когг, который взметнула вверх очередная волна. Губы Радомира тронула торжествующая усмешка. Он крикнул, перекрывая шум ветра и грохот волн:

– Зажечь маяк!

Один из его спутников высек искру из огнива, поджигая факел, который держал, укрывая от ветра второй воин. Пропитанный греческой смесью факел вспыхнул. Бодрич помахал им в темноту. И тут же в ответ где-то на верху, на невидимой в темноте скале, загорелся свет маяка. Этот свет должен был указать людям на когге спасительный путь.

Капитан когга увидел свет маяка, когда уже решил отдаться на волю волн и всевышнего, и позволить случаю и провидению вынести его корабль в безопасное место ли утопить в наказание за грех корыстолюбия. Его людей швыряло по мокрой палубе, как горстку орехов. Рулевой вцепился в кормило только для того, чтобы его не смыло за борт. Капитан, хватаясь за такелаж, подобрался к нему и указал на огонь вдали.

– Маяк! – заорал он. – Правь на маяк!

И сам всей грудью навалился на руль. Вдвоем им удалось развернуть корабль, не смотря на шквалистый ветер.

– Слава тебе, Господь Всемогуший. Мы спасены!

И он, и рулевой, и все мореходы на когге не отрывали глаз от маяка. И в этот момент, словно из-под воды, прямо по курсу судна выросла черная скала.

– Рифы! – крикнул рулевой, судорожно обхватил кормило, но было уже поздно. Раздался треск и корабль разлетелся в щепки. Никто не успел даже вскрикнуть. Когг исчез. Только несколько раз мелькнули деревянные обломки среди кипящей пены.

Буря прекратилась также внезапно, как и началась. Точнее она понеслась дальше, сея ужас и разрушения. Вскоре на море вспыхнул костер утренней зари, из пламени которого поднимался солнечный диск, вечный бог, возрождающийся из небесного огня. Серые мрачные волны, засверкали, отгоняя своим блеском ночные страхи. Впрочем, обитателей острова страхи не волновали. Они и сами порождали ужас. Ибо остров Руя был владением разбойников Поморья. Непрístupные скалы надежно укрывали святилище Аркона с идолом Святовита, которому всякий проплывавший мимо острова должен был поднести подношения. Кто же отказывался почитать верховного Бога язычников, предавался смерти.

Бодричи во главе с Радомиром, дождавшись утра, отправились вдоль берега собирать остатки кораблекрушения, которое было вызвано фальшивым маяком, заманившим купеческий когг на скалы. На берегу валялась мачта с изорванным парусом, обломки судна, пара выброшенных бурей искалеченных тел. Удача сегодня была на стороне пиратов. На берегу лежали несколько тюков дорогих тканей.

Радомир остановился, чтобы оглядеться и тут услышал странный звук. Прислушавшись, он с удивлением узнал в нем детский плач. Радомир, однако, посчитал, что это всего лишь игра прибоя и ветра, гуляющего между скалами. Но плач становился все громче. Радомир пошел на звук и вскоре обнаружил на берегу детскую люльку. Радомир замер. Неужели после страшной бури и кораблекрушения, люлька смогла уцелеть, а младенец в ней остаться в живых? На люльке сидел черный ворон и смотрел на Радомира внимательными блестящими глазами. Радомир замер. Уж не колдовство ли это? Внутри вождя все похолодело. Он оглянулся на товарищей:

– Вратислав! Мечидраг!

Ближайшие сподвижники вождя откликнулись немедленно. Они и сами слышали детский плач. Оба высокие, русоволосые, бородатые, обритые наголо в отличие от длинноволосого Радомира. У каждого в руке была сулица, легкий славянский дротик. Они осторожно приблизились к колыбели. Заметив это, черный ворон расправил крылья и грозно каркнул, раскрыв внушительных размеров клюв. Вратислав попытался ткнуть его дротиком, но ворон ловко вскочил на древко и закаркал, захлопал крыльями, а потом несколько раз ударил клювом по сулице. Вратислав попытался стряхнуть птицу, но ворон держался крепко.

– Радомир, похоже, ворон охраняет ребенка. Убить его?

Радомир не ответил, сделав отрицательный жест. Ворон перевел взгляд на вождя, а потом снова перепорхнул на край колыбели. Радомир подошел к нему вплотную. Ворон расправил крылья и раскрыл клюв, не спуская глаз с Радомира. А затем внезапно сорвался с места и, описывая большие круги, стал подниматься в небо. Радомир наклонился над люлькой и с изумлением воззрелся на ребенка, закутанного в бобровый мех, мокрого, сморщенного, но живого. Он осторожно взял его на руки. Ребенок перестал плакать. Он разглядывал Радомира большими ясными голубыми глазами. Радомир обернулся к товарищам. К тому времени все, кто был на берегу и подбирал остатки кораблекрушения, собрались возле Радомира и колыбели.

– Это чудо! – крикнул Радомир, а затем радостно улыбнулся. – Боги подарили мне сына взамен погибшего Свира. Перед вами всеми я признаю его своим сыном и нарекаю Роаргом.

– Сын ворона, – заметил Вратислав стоявшему рядом Мечидрагу. Мечидраг пожал плечами:

– Ворон просто защищал свою добычу. А затем уступил.

– Может и так. А может, это знак. Может это действительно сын ворона.

Радомир бережно прижал младенца к груди и зашагал вверх по тропинке, туда, где стояла крепость острова Руя.

ЧАСТЬ I. ДОБЫЧА

ГЛАВА 1. АРКОНА

На высокой скале, выдававшейся в море, на северной оконечности острова Руя, стоял священный город Аркона, с одной стороны огражденный стеною, а с другой обрывом. Этот город предназначался исключительно для богослужений. Большую часть времени он пустовал. По праздникам же святилище наполнялось людьми не только с острова, но и со всего Поморья. В центре его стоял деревянный храм Святовита. Бог этот почитался по всей балтийской земле, хотя и под разными именами. Щетинцы чтили его как Триглава (хотя у арконского святовита было четыре лица), ратори как Сварожича, гаволяне как Яровита.

Ни одной простой доски не было в этом храме, все было украшено тончайшей резьбой самой искусной работы. Переплетающиеся узоры несли сакральный смысл, доступный лишь посвященным. Верховным жрецом храма был вождь руян Радомир, о чем свидетельствовали его длинные волосы, которые он согласно своему сану не имел права стричь. Остальные жители острова либо брились на лысо, либо коротко стриглись, что было весьма практичным, – врагу в бою не за что было уцепиться. Волосы заключали в себе силу солнечных лучей. Ибо Святovit был богом солнечного света. А на земле нет никого и ничего сильнее солнца. Разве что Громовержец. Но Руяне так не считали.

Храм был окружен забором, на котором были вырезаны с немалой достоверностью различные предметы и животные. Само капище ограждалось четырьмя стенами под одной кровлей. А в нем располагалась внутренняя часть, – святая святых, – отделявшаяся четырьмя столбами и пурпурными занавесями. Никто кроме жреца не имел права входить сюда. За этими занавесями и стоял идол Святовита. Был он выше человеческого роста на четырех же шеях, смотревших в разные стороны, с обритыми подбородками и постриженными волосами. В правой руке он держал рог украшенный золотом, железом, серебром, медью и бронзой. Сегодня рог был до краев наполнен вином; левая была согнута в локте и упиралась в бок. Святая святых была украшена рогами различных животных, многие из которых были никому неизвестны и, несомненно, волшебного происхождения.

Рядом с идолом лежали уздечка, седло и огромный меч, рукоять и ножны которого были отделаны серебром и покрыты филигранным узором. Так же там стояло священное знамя Святовита – станница. Она почиталась особо и не меньше, чем само божество. Когда руяне шли с этим знаменем бой, они искренне верили, что находятся под божественным покровом, и им ничто не может угрожать. От осознания собственной безопасности, они преисполнялись отваги и часто бросались безрассудно на врага во много раз превосходившего их количеством, отчего приобрели прочную славу людей, не боящихся смерти.

Так же в святая святых находились многочисленные, стоящие друг на друге сундуки с золотом, серебром, жемчугом, драгоценными камнями и ювелирными украшениями. Это были подношения славян Балтии Святовиту в благодарность за урожай, защиту и благоденствие. Обычай этот был похож на обычай древних латинян подносить самое дорогое Юноне Монете, а в момент опасности использовать сокровища для защиты от врагов, – на них покупалось оружие, строились корабли и нанимались воины.

Сегодня был особый день, – праздник окончания уборки урожая. На остров прибыло множество народу со всего Поморья. Они привезли с собой скот для жертвенного пира и дары Святовиту. Кроме праздника они ожидали от Святовита предсказаний на будущий год, а также личных советов, ибо считалось, что именно Святovit острова Руя давал самые точные пророчества.

Накануне Радомир с веником в руках посетил святилище Святовита и тщательно вымел его, надолго задержав дыхание, потому что, дажедохнув, человек мог осквернить это место. Теперь Радомир вошел во внутреннюю часть святилища, осторожно вынул рог с вином из правой руки идола и вышел к народу. Толпа, заполнившая все пространство перед храмом, ждала его слова. Радомиру предстояло гадание по вину. Но сначала он бросил короткий взгляд туда, где среди прочих стоял его названный сын Роарг. Высокий, плечистый, с норманнской стрижкой, когда выбривались виски и часть затылка, и дерзкими шальными глазами, в которых сверкал небесный огонь. Иногда ему казалось, что он действительно его родной сын. Ведунья Радмила говорила ему, что такое возможно: Чернобог отбирает, а Белобог возвращает, просто из ненависти к своему вечному противнику. Чернобог отобрал у него Свира, а Белобог дал ему взамен Роарга.

Радомир всмотрелся в поверхность вина. Он занимал должность жреца по праву рождения, но не был сведущ в таинствах, предпочитая военное дело. Для таинств служила Радмила – ведунья, чьи знания передавались из поколения в поколения и уходили в глубину веков. Она стояла рядом, высокая, стройная, в холщовой рубашке, перетянутой расшитой рунами тканью. Спутанные черные волосы почти закрывали ее лицо. Были видны только глаза: огромные, темные, жгучие. Она посмотрела мимо плеча Радомира в рог и нахмурилась. Радомир тоже знал в общих чертах нужные приметы.

– Рог остался полным, – возвестил он, – значит, следующий урожай будет богатым.

Толпа радостно выдохнула. Если бы в роге ubyло, то хорошего урожая не жди.

Радомир оглянулся на Радмилу. Она кивнула, а затем указала глазами на несколько черных соринки в вине. Теперь нахмурился и Радомир. Соринки – это враги.

– Но нас ожидают испытания. Скоро враги захотят свести с нами счеты. Нужно быть начеку.

Мнение толпы разделилось. Часть людей начала тревожно шептаться, вычисляя, от кого из недругов ждать подлостей: даны, голыштаты, маркоманы, свевы, пруссы? Или кто-то из своих: лютичи, черепняне, укряне? Откуда ждать нападения? Других, наоборот, охватила радость. Их чувства выразил Роарг, стоящий в окружении таких же молодых как он воинов. Он крикнул:

– Наконец-то! Хорошая весть тем, кто рожден для славы.

Радомир недовольно поморщился. Всем хорош его названный сын, кроме того, что был безрассуден даже по меркам руян. Именно он возродил древний обычай драться обнаженным по пояс и не пользоваться щитом. Радомир боялся потерять Роарга, как потерял когда-то Свира. Но еще больше он боялся потерять дружину, которая во всем хотела походить на Роарга и охотно перенимала моду на безумную отвагу. Воин должен быть не только храбрым, но и осмотрительным, расчетливым, а если понадобится и хитрым. Нужно обязательно поговорить с ним, а пока пора продолжать церемонию. Радомир развернулся и вылил содержимое рога под ноги идолу Святовита. Толпа разразилась приветственными криками. Под эти несмолкаемые крики он передал рог Радмиле, взял кожаный мех с вином и вновь наполнил рог. Он поднял его над головой. Толпа затихла. Затем вождь руян поднес рог к губам и осушил его большими глотками. Вино текло по его груди гранатовыми струями. Он пил, закрыв глаза. Вино мгновенно ударило в голову. Ноги стали ватными. «Главное не упасть!» Ведь он уже не молод. Когда-то и пара таких рогов не могла даже покачать его (ну, тут он приврал сам себе). Упасть на глазах у всех – не только позор, но и дурной знак. Наконец рог был осушен и наполнен вновь. Радомир на негнущихся ногах вошел в святая святых и вставил его в руку Святовиту. Все. Он вытер дрожащей рукой испарину со лба.

Вождь снова вышел к народу. Снова воздух наполнился криками. Молчала только Радмила. Она, не отрываясь, смотрела на Роарга. Ведунья не сомневалась, что перед ней сам Бог,

сошедший на землю. Она верила в это всеми фибрами своей души. Она не понимала, как остальные не видят того, что Роарг воплощенное Солнце.

В это время толпа расступилась, пропуская вперед несколько человек, которые несли огромный пирог выше человеческого роста. Они поставили пирог перед идолом и почтительно отошли в сторону. Радомир зашел за пирог и крикнул:

– Видно ли меня?

– Нет! – закричали из толпы. – Не видно!

– Точно не видно?

– Не видно! Не видно!

– Смотрите внимательней!

– Нет. Не видно! Не видно!

Радомир выступил из-за пирога.

– Прошу тебя, Святовит, чтобы и на следующий год мы могли испечь такой же большой пирог. Чтобы у нас было из чего его испечь, и чем снова засеять наши поля. Спасибо тебе!

Руяне и гости острова вновь закричали, испрашивая божество о том же. Как по команде факелы зажгли жертвенные костры, над которым на вертелах висели освежаванные туши быков и кабанов. Дым от костров взметнулся вверх, возвещая приближение праздничного пира.

– Радомир!

Вождь обернулся и увидел двух воинов, вышедших из толпы. Они тащили за шиворот испуганного человека. Пузатый, с жиденькой бородашкой, он тихо скулил, зажмурив глаза. Радомир заметил христианский крестик, болтающийся на шее. Пленник.

– Еще одного поросенка принесли! – крикнул кто-то из толпы, остальные засмеялись незатейливой шутке.

Воины швырнули пленника к ногам Радомира.

– Кто он и в чем виновен? Или вы предлагаете принести его в жертву?

Роарг при виде пленника выступил вперед.

– Нехорошо омрачать праздник кровью. Такие жертвы приносятся только в случае крайней нужды.

Роарг полагал, что не имеет смысл показывать свое превосходство над беззащитным противником. Это недостойно воина.

Радомир недовольно посмотрел на сына. Роарг осмелился указывать ему, что делать, на глазах у всех.

Один из воинов объяснил:

– Это сакс из Нордальбингии. Мы захватили купеческий когг. Они хотели незаметно прошмыгнуть мимо острова.

Радомир бросил суровый взгляд на купца:

– Разве ты не знаешь, что это наши воды, и каждый, кто плывет по ним, должен приносить дары Святовиту? Встань!

Купец с трудом поднялся. Колени его мелко тряслись. Он всхлипывал, втянув голову в плечи.

– Ты знал, что в этих водах можно торговать только с нашего разрешения?

– Ваша милость, я этого не знал. Клянусь всеми Богами!

– Лжец! Все ты знал, просто надеялся, что тебе повезет. И ты знал, что нарушение этого правила карается смертью.

Один из воинов схватил купца сзади за волосы и приставил к его горлу кинжал. Купец судорожно сглотнул.

Роарг сделал шаг вперед. Его рука легла на рукоять меча.

– Отец! – крикнул он. – Не убивай беззащитного. В этом нет чести.

Радомир сделал вид, что не услышал дерзкие слова.

К Роаргу подошел и встал рядом с ним его друг, изящный молодой человек, с длинным лицом, умными глазами, внимательно смотрящими из-под густых бровей. Все звали его Вагр. Настоящее имя никто не знал, так как он был подкидышем. Знали лишь, что он из племени вагров. Вагр знал, что Роарг не понимает, как Радомир воспринимает его попытку вступить за пленника. Если Роарг настоит на своем, авторитет вождя может пошатнуться, а на вольном острове Руя, это равносильно потере власти.

– Ты можешь выкупить свою жизнь. Чем ты можешь заплатить? – Спросил Радомир.

Воин отпустил волосы купца и убрал кинжал. Пленник облегченно вздохнул.

– Я все потерял...

– Жаль. Тебе не повезло. Убейте его!

Воин снова поднес кинжал к горлу купца.

– Стойте! – заорал несчастный. – Стойте! Я могу заплатить!

– Чем? – Радомир удивленно вскинул брови.

Радомира купец не интересовал, он краем глаза наблюдал за Роаргом.

– У меня кое-что есть...

– «Кое-что» – этого мало, – усмехнулся Радомир.

В это время Вагр, подходя еще ближе, старался встать между Роаргом и Радомиром.

Вождь смотрел на купца, а на самом деле следил за тенью Роарга: еще шаг...

«Я убью купца сам, – решил Радомир. – И тогда будет по-моему. Роарг не успеет мне помешать». Он неуловимым движением выхватил меч.

– Я избавлю тебя от мучений, смерть будет быстрой.

– Подожди! – крикнул Роарг. – Пусть человек скажет, то, что хочет сказать.

Купец с надеждой посмотрел на Роарга. Затем бросил взгляд на Радомира, как бы оценивая, насколько подвержен этот человек убеждению.

– Скоро вдоль берега, через Медвежий лес пройдет богатый обоз. Они везут свадебные дары для Дитмара Старого. Он выдает замуж свою дочь Альмейду.

Многие, наблюдавшие эту сцену, переглянулись. Вагр задал вопрос, который вертелся на языке у многих:

– Ту самую Альмейду?

– Да, господин. Ту самую, которую все называют «Наше Солнышко».

Радомир снова недовольно поморщился:

– Нам-то что с того, что Дитмар Старый продает свою дочь?

– Это очень богатый обоз. Очень большая добыча.

Роарг подошел к купцу. Вагр поспешил за ним.

– Сдается мне, что ты, торговец, хочешь расплатиться за свою жизнь чужим добром. – Нахмурился Радомир. – И кто ты после этого?!

Роарг положил руку на плечо купцу:

– И что, богатое вено?

Глаза Купца округлились. Он начал говорить быстро и горячо:

– Это самое большое вено из всех! Золото, платья, драгоценные камни. Книги! Очень редкие книги. Наше Солнышко любит книги, это всем известно.

– И ты знаешь, когда и по какой дороге они пойдут?

– Знаю, знаю! И когда и где.

– Хорошо! Можешь считать, что ты выкупил свою жизнь.

Роарг широко улыбнулся и по-приятельски хлопнул купца по плечу. Купец перестал дрожать и успокоился, – опасность миновала. По крайней мере, пока.

– Роарг! – лицо Радомира налилось кровью от гнева. – С каких пор ты стал считать, что решения здесь принимаешь ты? Пока что вождь я. Обоз наверняка хорошо охраняется. Это слишком большой риск.

Пленник снова поник, его плечи опустились.

Роарг выдержал гневный взгляд отца спокойно и твердо. Вагр с тревогой оглянулся на друзей и убедился, что все прекрасно понимают: спор идет не о жизни купца, а о том, чья воля длиннее. Все могло закончиться печально для острова Руя.

Только Радмила улыбалась. Ее глаза сияли. Сейчас! Старый вождь должен уступить молодому Богу. Это непреложный закон жизни.

– Я отдам тебе за жизнь этого купца все, что у меня есть. Надеюсь, «все, что есть» – этого достаточно?

Радомир и Роарг посмотрели друг другу в глаза. Отец отвел взгляд первым, и Роарг спокойно обнял купца за плечи и увел подальше от капища Святовита. Четыре головы идола равнодушно смотрели, как уходит предназначенная ему жертва.

Радомир кипел от ярости, но ему приходилось сдерживать себя. Праздник был в самом разгаре. Люди отрезали от жарящихся туш куски мяса, пили вино, пели песни, бродили повсюду в поисках друзей и знакомых, чтобы поделиться радостью. Радомир заставил себя улыбнуться, но праздновать заставить себя не мог.

– Радмила! – позвал он ведунью.

Радмила почтительно подошла к вождю. Она должна была выказывать ему уважение не только как к вождю руян, но и как верховному жрецу Святовита. Но это почтение было лишь данью традиции. Жрецом Радомир был номинально, лишь по праву рождения. Ему были неведомы небесные пути. Он не знал о тайне Рыб и всеожжении Агнца, о битве Борца, который огненными стрелами поразил Угнетателя за Змеиной рекой. Ничего этого он не знал, и знать не хотел. Пока он был молод, его интересовали лишь боевые схватки и бесконечные набеги. Теперь он хотел спокойствия и процветания. Радмила же не знала покоя. Пророчества сулили великие перемены. Великие перемены требовали перемены вождя.

– Почему ты не идешь в храм? – строго спросила Радмила. – Тебе еще нужно отвечать на вопросы.

– Об этом я и хотел с тобой поговорить. Сегодня рог с вином оказался для меня слишком большим. Мне нехорошо.

– Ты хочешь, чтобы я отвечала на вопросы от твоего имени?

Обычно было наоборот: Радмила находила ответ, а доносил его до вопрошающего Радомир.

Радомир кивнул.

– Хорошо.

Радмила повернулась, чтобы пойти к храму, но Радомир остановил ее:

– Радмила... не рассказывай никому... что мне плохо...

Радмила ободряюще улыбнулась.

– И вот еще что... – Радомир взял ее за руку. – Я знаю, что Роарг мил тебе.

Глаза Радмилы вспыхнули: как он смеет залезать к ней в душу?

– Я считаю, что вам суждено быть вместе. Если бы это случилось, я бы прямо сейчас ушел на покой.

Все внутри Радмилы запело. Это были именно те слова, что она хотела услышать. Радомир знал это. Может быть, он и был несведущ в таинствах, зато отлично видел людей. К тому же он не кривил душой. Радмила могла бы обуздать дикий нрав Роарга и направить его в нужное русло.

Радмила ничего не ответила, она отправилась в святая святых, чтобы отвечать на вопросы паломников. На ответы ее должен был вдохновить Святовит – самый надежный предсказатель Поморья.

Вагг тем временем шагнул рядом с Роаргом, его терзало беспокойство, но он не знал, как высказать то, что у него накопилось на душе, своему горячему товарищу. Роарг будто прочитал его мысли. Он бросил на друга хитрый взгляд исподлобья.

– Знаю, что тебя беспокоит. Я выступил против воли Радомира. Но ты напрасно тревожишься. Радомир – мой отец, и я никогда не поднимусь против него. И не позволю никому другому.

– Я в этом не сомневаюсь, но думал я о другом. Ты знаешь, чье приданное ты хочешь украсть?

Роарг встряхнул за плечи купца:

– Эй, чье вено я собираюсь украсть?

– Альмейда – дочь Дитмара Медведя.

– Кто это? Никогда не слышал.

– Он был знаменитым рыцарем, когда вас, господин, еще на свете не было. Теперь это обедневший сюзерен. Был Дитмар Медведь, стал Дитмар Старый. От бывшего величия остался замок и немного земли. Весь в долгах. Для него свадьба дочери – большая удача. Повезло, что ее берут без приданного. Правда, она самая красивая девушка в подлунном мире...

Роарг покачал головой:

– Значит, Дитмар продает свою дочь, чтобы расплатиться с долгами. Жаль, что его планам не суждено сбыться.

Беспечность друга раздражала Варга.

– Роарг, дело не в Дитмаре и не в Альмейде. А в женихе. Ты думаешь почему, этот презренный человек, не упоминает о женихе? Он боится, что узнав его имя, ты откажешься от задуманного, и он не сможет выкупить свою жизнь.

Роарг остановился, напустил на себя испуганный вид:

– Что же это за страшный человек? Уж не сам ли император Конрад?

Роарг улыбнулся.

– Нет, это не император Конрад. Это Манфред из Кобурга.

– Ну, и что?

– Ты не знаешь, кто такой Манфред из Кобурга?

Варг смотрел на Роарга и не мог понять, прикидывается он или нет. Все знали, кто такой Манфред из Кобурга.

ГЛАВА 2. РИСТАЛИЩЕ

Жители окрестностей замка Урс стекались на ристалище все утро. Рыцарский турнир в этих краях последний раз был лет тридцать назад, и сейчас все, от мала до велика, предвкушали зрелище. И пусть это был не большой турнир, когда приезжают гости королевской крови, когда сначала проводят пробные поединки, – своеобразный отбор, чтобы определить лучших, когда на второй день проходят массовые схватки и состязания для стрелков из лука, но организатором турнира был сам Манфред из Кобурга, любимец императора Конрада и, как говорили, первый рыцарь государства. А еще, после состязания обещали затравить медведя.

Была у этого турнира и еще одна особенность, кроме того, что он устраивался в честь дочери Дитмара Альмейды, – Манфред из Кобурга бросил вызов всем бойцам Урсмарки. Он поклялся, что будет сражаться с каждым по очереди, пока не выбьет из седла всех, кто пожелает принять его вызов. Рыцари Урсмарки не могли уклониться от турнира, иначе получилось бы, что Манфред в одиночку одолел всю Урсмарку одной лишь отвагой. Было понятно, для чего он затеял турнир. Скоро Манфред станет мужем Альмейды и полновластным хозяином здешних мест. Ему нужно было утвердить свою неоспоримую силу и превосходство над будущими вассалами.

Манфред прибыл на ристалище загодя. Проехал налегке по турнирному полю, изучая все его неровности и наклоны, выбоины и колдобины. И хоть воинские состязания не проходили здесь давно, ристалище оставалось в хорошем состоянии. Манфред внимательно все осмотрел и поставил палатку рядом с ареной. Его натренированный специально для рыцарских турниров конь пасся здесь же и привыкал к шуму, который неизбежно сопровождает состязания подобного рода: крики людей, лязг оружия, звуки труб, ржание лошадей. И хотя Манфред не сомневался в своей победе, он подходил к турниру серьезно, как и ко всему, что связано с воинским искусством. Именно это, помимо огромной природной силы, и сделало его первым рыцарем Священной империи.

Народ в изрядном количестве уже расположился нестройными рядами вокруг арены. Для знатных особ была сколочена трибуна под балдахин. На ней восседал хозяин Урсмарки Дитмар Старый, когда-то носивший имя Медведь. Он выглядел старше своих лет: морщинистое, обрюзгшее лицо, со следами грехов и пороков, свойственных людям его положения, поникшие плечи, бегающий взгляд. Тем прекраснее на его фоне выглядела дочь. Тонкая, и в то же время широкоплечая, с небольшой, но высокой грудью, она была чудо как хороша. Но больше всего привлекали внимание ее волосы, которые, казалось, облили жидким золотом. Они роскошным водопадом спускали через всю спину, а сейчас сверкали в лучах набиравшего силу солнца. На ее лице сияли зеленые глаза, их колдовской цвет сводил с ума многих, а большинство приводил в необъяснимый восторг.

Манфред не отрывал от нее глаз. Ничего он не хотел так страстно, как Альмейду. Кровь закипала в его жилах, когда он представлял, что ожидает его на брачном ложе. Воображение рисовало ему, как он будет терзать и ломать это хрупкое тело, сминать ладонями нежную грудь, впиваться в алые губы.

Формально турнир считался схваткой претендентов на руку и сердце Альмейды дочери Дитмара. По древней традиции лучшие воины должны были в честном бою выяснить, кто из них более достоин прекрасной дамы. На деле, хотя Альмейду желали многие, никто брать ее в жены не хотел по причине отсутствия у нее приданного. Так что Манфред оставался единственным претендентом. Но он считал, что вместе с Альмейдой получает и этот край и всех, кто его населяет. Они должны увидеть, насколько тяжела его рука и суров его нрав. Страх – основа порядка. Как божий гнев удерживает людей от дурных поступков, так гнев правителя заставляет людей трудиться на общее благо.

Альмейда тоже не сводила глаз с Манфреда. Ей было шестнадцать. Нельзя сказать, что знания о любви она почерпнула только из рыцарских сказаний, где все мужчины отважны, а дамы прекрасны и надежно защищены от грязных посягательств мужским благородством. Ее служанка Агата давно посвятила ее во все тайны плотской любви. Она знала, что ждет ее в супружеской спальне. Но все равно со свойственной ее возрасту надеждой ждала романтического чуда. Она верила, что примчится рыцарь и спасет ее от... от чего-нибудь ужасного. Этому способствовала и ее тяга к чтению, что в те времена считалось редкостью для особ женского пола. К своим летам она уже прочитала четыре (!) книги. В основном рыцарские романы. Она смотрела на Манфреда и пыталась разглядеть в нем образ героя из своих девичьих грез. Он был высок, широкоплеч, немного грузен. Держался уверенно, даже слишком, немного скромности не помешало бы. Но это не беда. Все-таки, он признанный всеми первый рыцарь империи. Альмейда сделала вывод, что ей повезло. Возможно, рука Господа привела сюда этого блестящего воина. Сердце билось быстрее, щеки розовели, душа трепетала от неясного предвкушения.

Манфред стоял возле своей палатки – палатки Зачинщика. Рядом в землю было воткнуто копьё, на котором развивался штандарт с его гербом: рыцарь на двуцветном поле, рассеченным по диагонали и девизом: «Nemo me impune lacessit» (Никто не обидит меня безнаказанно). Неподалеку стоял безмолвный оруженосец. Манфред подал ему знак. Оруженосец скрылся в палатке и вскоре вышел, неся перед собой доспехи. Манфред решил не пользоваться полной экипировкой. Слишком тяжелые доспехи лишают элегантности. Поэтому он ограничился бармицей, которая, впрочем, была начищена до такого блеска, что ее можно было использовать как зеркало. Шлема Манфред и вовсе не стал надевать. Он еще раз придирчиво осмотрел себя. Плащ, отороченный соболями, из-под бармицы выглядывал зеленый камзол, надетый поверх белоснежной сорочки. Прекрасно. Безупречно.

Загрохотали тамбурины. Им ответили флейты. Зрители смолкли. На арену выступил герольд. Он оглядел толпу, и, выдержав торжественную паузу, зычным голосом объявил:

– Для поединка вызывается Манфред из Кобурга. Ему бросил вызов Симеон из Торна!

Альмейда удивленно посмотрела на отца.

– Симеон? Он же еще совсем мальчишка...

Дитмар снисходительно усмехнулся:

– Глупый мальчишка. Не волнуйся девочка. Манфред просто вышибет его из седла, он получит пару синяков и впредь будет умнее.

Щеки Альмейды порозовели. Она знала Симеона. Он был младше ее и рядом с Манфредом казался тростинкой.

Агата схватила ее за рукав и закричала:

– Смотрите! Они начинают!

Взгляды всех троих теперь обратились к ристалищу.

Герольд уже покинул арену, и двое всадников, облаченных в доспехи, на противоположных концах площадки готовились к поединку. Симеон развернул коня к трибуне и поднял щит, на котором красовался его герб – три розы на белом фоне. Толпа заревела, приветствуя своего.

Манфред нахмурился, затем легко для своего веса запрыгнул в седло и направил коня прямо к трибуне. По дороге он заставил скакуна пройти особым шагом, вызвав возгласы удивления у знатоков-рыцарей, расположившихся за Симеоном в ожидании своей очереди. Манфред остановил коня напротив Альмейды. Краска бросилась в лицо девушке, но она постаралась принять гордый и независимый вид.

– Альмейда, дочь Дитмара, – крикнул рыцарь, чтобы его было слышно всем, – эту победу я посвящаю тебе, даме моего сердца и моей невесте.

Дитмар перегнулся через край трибуны и весело закричал в ответ:

– Манфред, а не рано? Ты еще не победил!

Манфред презрительно ухмыльнулся. Его конь переступил с ноги на ногу. Альмейде не понравилась эта презрительная ухмылка. Рыцарю не пристало так заноситься. Дитмар, тем временем, продолжал:

– А где твой шлем?

– Он мне не нужен, – небрежно бросил Манфред, а затем, презрев все законы вежливости и этикета, резко развернул коня, демонстрируя свое умение наездника, и быстрой рысью поскакал на свое место.

Альмейда не сдержалась:

– Какая самоуверенность! Без шлема можно потерять голову.

– Что ты понимаешь, девчонка! – оборвал ее отец. – По правилам можно ударять копьём только в щит. Смотри, как настоящий воин побьет самонадеянного сопляка.

Альмейда поймала себя на том, что хочет, чтобы Симеон проучил Манфреда. Онаглянула на Агату, но та не сводила восхищенного взгляда с любимца императора Конрада.

Длинные трубы взметнулись вверх и протрубили сигнал к атаке. Толпа, как могла, подбадривала бойцов. Копья поднялись вверх, кони начали движение. Сначала медленно, а потом все более разгоняясь. И вот они понеслись во весь опор. Из-под копыт лошадей вылетали комья земли вперемежку с опилками. Копья начали медленно опускаться. Вот они уже грозно направлены на противников, скрытых за щитами, украшенных гербами владельцев. Они все ближе и ближе друг другу. Кажется, что сейчас они разобьются друг о дружку в лепешку. И наконец – сшибка. Раздался короткий треск. Оба копия сломались о щиты. Всадники промчались мимо друг друга, полускрытые облаком пыли. Толпа на мгновение затихла, а потом исторгла восторженный вопль: Симеон покачнулся в седле, казалось, что он вот-вот упадет, но ему все-таки удалось удержаться.

Манфред натянул поводья, развернул коня и едва не задохнулся от досады: его юный противник не был повержен. Мало того, он гарцевал перед трибуной, демонстрируя победную улыбку. Альмейда помахала рукой юноше, устоявшему против прославленного воина.

Герольд объявил ничью.

Этого Манфред стерпеть не мог, он подскакал к своему шатру. Оруженосец кинул ему новое копьё. Ловко поймав его, рыцарь из Кобурга ринулся к Симеону и ударил его по щиту, снова вызывая на бой.

– Бьемся до победы! – крикнул он.

Толпа снова затихла, а затем по рядам зрителей прокатился недовольный ропот: мальчишка заслужил ничью. Симеон растерянно оглянулся на других рыцарей. Те старались на него не смотреть. Всем было ясно: отклонить вызов, значит, признать поражение. Симеон двинул коня на исходную позицию.

Альмейда схватила отца за рукав:

– Отец, вели им остановиться. Негоже опытному рыцарю...

Дитмар выдернул руку:

– Таковы условия. Манфред поклялся победить всех рыцарей Урсмарки.

Снова раздался сигнал. Всадники помчались навстречу друг другу. Манфред улыбался. «Какая у него нехорошая улыбка. Как будто жабу бросили за шиворот», – подумала Альмейда, и в этот момент копьё Манфред дернулось вверх и угодило Симеону из Торна в шлем. Он вылетел из седла и грохнулся оземь. Щит отлетел в одну сторону, копьё в другую. Толпа ахнула. Альмейда и Агата невольно вскочили на ноги. Манфред развернул коня и шагом двинулся к поверженному противнику, к которому уже бежали герольд и еще двое организаторов турнира. Они склонились над Симеоном и сняли с него шлем. Лицо юноши, практически подростка, было мертвенно бледным, губы почти побелели, пустые глаза смотрели в никуда. Герольд ошупал Симеона и тихо произнес:

– Сломана шея.

Герольд посмотрел на Манфреда. Манфред спокойно встретил его взгляд, а потом внезапно подал коня вперед. Герольд едва успел отскочить.

– Это вышло случайно. Конь оступился, и копые дернулось вверх. Бывает. – Манфред еще раз в упор посмотрел на герольда, который был не в силах что-либо ответить. Затем рыцарь слегка прищипорил жеребца и подъехал к трибуне Дитмара. Он поклонился Альмейде:

– Я смиренно прошу у моей Дамы сердца платок.

За его спиной несколько человек уносили тело Симеона. Кто-то уводил под узды его коня, который поднял морду и жалобно заржал.

Дитмар наклонился к Альмейде, которая сидела, опустив голову, и прошипел сквозь зубы:

– Он победил – бросай!

Больше всего Альмейду поразило спокойствие Манфреда. Почти безмятежность. Как будто ничего не случилось. Как будто он только что не отправил к праотцам мальчика, который годился ему в сыновья. Все видели, что он поднял копые против правил! Ее маленькие кулачки сжались так, что побелели костяшки пальцев. В груди поднялась неведомая ей доселе волна гнева, столь внезапная, что она не смогла удержаться и, резко вскинув голову, крикнула неожиданно для самой себя:

– Убийца!

Толпа вздохнула, а затем неистово поддержала этот призыв к справедливости:

– Убийца! Убийца! Убийца!

Кровь бросилась Манфреду в голову, ярость затопила его, как водный поток, прорвавший плотину. Он обернулся на крики толпы. Затем дернул поводья, дал скакуну шенкелей и направил его прямо на зрителей, опустив копые. Ноздри боевого жеребца раздувались, он плевался густой белой пеной, храпел, дико вращал глазами. Закованный в броню всадник ринулся на ряды безоружных крестьян и ремесленников. Еще секунда и он врежется в них на полном скаку. Раздались испуганный вопли, а затем люди бросились врассыпную, расталкивая друг друга. Манфред осадил коня и закричал им вслед:

– Прочь, трусливая чернь! Я – Манфред из Кобурга! А вы – пыль под моими ногами!

Альмейда вскочила со своего места и бросилась прочь. Дитмар попытался ее удержать, схватить за платье, но не успел.

– За ней! – приказал он Агате.

Манфред, тем временем, подъехал к остальным рыцарям.

– Кто-то хочет бросить мне вызов, или турнир окончен? – пророкотал он, сверля дворян, сбившихся в кучу сверкающим взглядом. Никто не решился ему ответить. Никто в тот день не принял вызов Манфреда из Кобурга, который после этого турнира получил прозвище Убийца.

ГЛАВА 3. СОСТЯЗАНИЕ УДАЛЬЦОВ

Убранство комнаты Радомира в детинце на острове Руя ничем не отличалась от убранства походной палатки: деревянная кровать, ночной горшок, небольшой грубо сколоченный стол. На полу лежала медвежья шкура. На стенах висело разнообразное оружие, даже сарацинское, по большей части трофейное, свидетельство былых побед и удачных набегов. На столе, нахвалившись, сидел ворон (тот не тот, никто не мог сказать наверняка). Был он старый, с бельмом на одном глазу и, по всей видимости, глухой, по крайней мере, разговор, который шел на повышенных тонах, его нисколько не тревожил. Освещал комнату одинокий, пыльный, солнечный луч, проникавший в это мрачное место через узкую бойницу, в которую с трудом можно было просунуть руку.

Разговор вели Радомир, Вагр и Роарг. Точнее Радомир и Вагр всячески увещевали молодого воина, пытаясь отговорить его от опасной затеи. Радомир же по большей части снисходительно улыбался, поглядывая то на одного, то на другого, и, похоже, от души забавляясь усилиями отца и товарища.

– Я тебе друг и желаю уберечь тебя от ошибки. Если купец прав, и обоз везет такой огромный выкуп, то он наверняка хорошо охраняется. И золото принесет кровь.

Роарг в ответ положил руку на плечо Вагру:

– Спасибо, что желаешь мне добра, друг.

– Роарг, сын мой, мне кажется, что сегодня на пиру ты выпил слишком много вина и не можешь взглянуть на вещи трезво. Даже если тебе удастся захватить обоз, никто это просто так не оставит. Манфред будет мстить и явится сюда... – вторил Вагру Радомир, но без добродетельности в голосе. Роарг отвечал отцу легким почтительным поклоном:

– И тебе спасибо, отец.

Желая показать, что доводы Вагра и Радомира на него не действуют и совершенно его не тревожат, он повернулся и направился прочь из комнаты. Но выйти не успел. Его остановили слова Радомира, который крикнул:

– Я не дам тебе ни одного воина для этой глупой затеи! Если хочешь, отправляйся один! Я не позволю, чтобы мои люди гибли из-за твоей жажды славы и любви к риску.

Роарг остановился и обернулся. Улыбка по-прежнему блуждала на его губах. Он пожал плечами и кивнул:

– Хорошо.

И вышел из комнаты. Вагр и Радомир тревожно переглянулись.

– Похоже, никто не может его остановить. Неужели он отправится в одиночку? – спросил Вагра Радомир, надеясь, что славящийся умом Вагр поможет ему какой-нибудь хитростью воспрепятствовать безумной затее сына.

– Роарг больше всего на свете ценит отвагу. Но не глупость. В одиночку он, конечно, никуда не пойдет...

– Но тогда с кем?

Этот вопрос самого Роарга не волновал. Он знал, что ему делать. Знание это проистекало из веры в то, что все люди делятся на две неравные части: одни живут ради жизни, другие живут ради славы; одни умирают, не оставляя следа, а после смерти других слагают легенды. Себя он относил ко второй части, и знал, что к этой же части принадлежат и другие храбрецы. Они-то и были ему нужны для осуществления задуманного. Поэтому, покинув покои Радомира, Роарг напрямик направился в пиршественный зал, где воины острова Руя продолжали праздновать день окончания уборки урожая. Пир был в самом разгаре, когда Роарг вошел. Воины сидели за длинным деревянным столом, на котором на серебряных, медных и оловянных блюдах высилось мясо принесенных в жертву Святовиту быков, свиней и овец. Столеш-

ница блестела от жира, дружинники передавали друг другу рога с вином. Иногда гул голосов прерывался взрывами хохота. «Самый подходящий момент», – подумал Роарг, оглядев пирующих. Он начал без предисловий:

– Для чего мы приходим в этот мир?

Все смолкли, воины отставляли в сторону кубки, отодвигали блюда с едой, и старались понять, к чему клонит молодой вождь.

Когда тишина окончательно воцарилась, Роарг крикнул, отвечая сам себе:

– За славой!

Хмельные воины одобрительно закричали.

Роарг, пользуясь поддержкой, решительно продолжал:

– Только трус умирает в постели! Вы все слышали про обоз, о котором поведал купец. Я собираюсь его захватить. И я спрашиваю вас, кто пойдет со мной? Кто разделит со мной добычу и славу?

Снова все смолкли. Многие переглядывались, им было известно, что вождь Радомир против этой затеи. Роарг внимательно следил за борьбой сомнений.

Из задних рядов протиснулся длинноусый, низкорослый, но очень широкоплечий крепыш. На лбу у него красовалась неровная вмятина от удара кистенем. За поясом висели два боевых топора. Он подошел к Роаргу, глянул на него светло-голубыми глазами, а потом, обернувшись к остальным, гаркнул:

– Я! Харальд Длинноусый.

И тут все как спохватились, каждый хотел быть в первых рядах тех, кто согласился. Получалось, что те, кто медлит с ответом, праздную труса. Со всех сторон неслось: «И я!» «Роарг с тобой куда угодно!» «Мы все пойдем!».

Роарг остановил крики движением руки.

– Наш вождь Радомир, мой отец, не дает мне ни одного из вас. И я не вправе вас принуждать. Пойдут только те, кто хотят разделить со мной мою участь.

Снова раздались крики, можно было разобрать только «Мы все, все!» Роарг опять остановил толпу движением руки:

– Всех я взять не могу. Моя личная лодка вместит только десять храбрецов.

Оттолкнув Харальда, вперед выступил крепкий, но изящно сложенный молодой человек, на поясе у которого висел узкий блестящий клинок. Череп его был гладким, как скорлупа яйца. Ровно посередине его пересекал бугристый шрам, послуживший причиной возникновения срамной клички. В лицо, однако, его так называть не отваживался никто. Все звали его Безымянный. Имя свое он не помнил после того боя, в котором и получил страшный шрам. Очевидцы утверждали, что череп Безымянного раскололся как орех так, что был виден мозг. Его подобрали Руяне и уже хотели предать погребению, но с удивлением заметили, что он дышит. Это посчитали знаком. Люди, заслуживающие доверия, рассказывали, что ведунья Радмила сдавила две половинки черепа и скрепила их специальным раствором из болотного ила, смешанного с яичным желтком и еще чем-то, несомненно, волшебным. Потом, когда кости срослись, замазка сошла вместе с волосами, а посередине черепа остался уродливый шрам, похожий на то самое место, которое породило все народы на земле.

Харальд грубо схватил Безымянного его за плечо:

– Ты куда, сопляк?! Я вызвался первым!

Безымянный доброжелательно улыбнулся:

– Убери руки, а то я отрежу твои любимые усы.

Все одобрительно засмеялись. Задираться перед схваткой считалось хорошим тоном. Харальд упер руки в боки и задумчиво воззрился на шрам Безымянного.

– Друзья, я помню тот момент, когда, – он указал на шрам, – здесь была щель, размером с ладонь. Никогда такого не видел ни до, ни после. А знаете, чего я еще не видел? Мозгов в этой щели!

Дружный хохот возвестил, что счет сравнялся.

Безымянный сорвал с пояса клинок и замахнулся. Харальд не растерялся и ударил Безымянного в грудь на замахе. Безымянный отлетел и врезался в стену. Харальд в мгновения ока выхватил оба свои топора и тут же метнул один из них в противника. Безымянный уклонился. Топор вонзился в стену и задрожал. Но вслед за вторым тут же полетел второй. Этот Безымянный отразил клинком. Звон металла о металл отозвался музыкой в сердце Роарга.

Харальд расхохотался, безумно вращая глазами. Его руки были пусты, и он показал это, вытянув их ладонями вперед.

– Я сожму тебя и выдавлю сок, – сказал Харальд, делая приглашающее движение.

Безымянный бросился на него, виртуозно жонглирует легким клинком, который мелькал, создавая сверкающую круговерть. Сам Безымянный при этом будто танцевал, совершая обманные движения. Харальд спокойно ждал. Внезапно Безымянный повернулся к Харальду спиной и нанес разящий выпад клинком назад. Клинок врезался в Харальда, проткнув его насквозь. Голова Харальда поникла, знаменитые усы казались двумя нитями слез.

Все ахнули.

Безымянный оборотился к Харальду с победной усмешкой и попытался выдернуть клинок. И тут Харальд захохотал. По лицу Безымянного пробежала тень страха. Оказалось, что клинок прошел у Харальда под мышкой, и теперь тот удерживал его, прижав рукой к телу. Безымянный растерялся. Он снова попробовал вырвать лезвие. Харальд сделал резкий разворот вокруг своей оси, и Безымянный под смех дружины полетел на пол, но, перекувыркнувшись, быстро вскочил на ноги. Харальд восхищенно присвистнул:

– Ловко!

Роарг шагнул между ними:

– Достаточно! Харальд и Безымянный идут со мной. Остальные тоже должны доказать свое мастерство.

Вперед вышел молодой воин Вольта. В руках он держал заряженный арбалет. Оружие редкое в этих местах. Он обратился к толпе воинов.

– Эй, кто-нибудь бросьте щит над моей головой вверх.

Один из воинов подбросил над головой Вольты небольшой, круглый, деревянный щит, который полетел вверх к нему за спину. Вольта мгновенно развернулся и сделал выстрел.

Арбалетный болт с тихим гудением пришил щит к стене почти под потолком. Толпа восхищенно приветствовала мастерство Вольты. Кроме хозяина щита:

– Эй, а кто щит снимать будет?

Вольта прицелился. Приложив арбалет к плечу. Затем сделал несколько шагов в сторону и снова выстрелил. Новый болт выбил из стены первый, щит грохнулся вниз, под оглушительные вопли зрителей.

– Твой арбалет с нами, Вольта.

Вольта довольно усмехнулся.

– Что здесь происходит?

Все смолкли. В дверях стоял Радомир. Он был мрачнее тучи. Вождь обвел собравшихся тяжелым взглядом из-под густых бровей.

Роарг шагнул к отцу. Рядом с Радомиром встал Вагр.

– Я отбираю десять человек из тех, кто вызвался идти со мной.

Радомир уже не сдерживал гнев:

– Ты хочешь отправить на верную смерть десять моих лучших людей?!

Роарг обвел рукой полукруг, указывая на всех, кто сидел за столом:

– Они свободные люди! И могут умереть, когда захотят. Верно?

Ответом был крик согласия.

– Я принимаю смерть от меча. Я принимаю смерть от копья. Я принимаю смерть от топора и стрелы. Но я не могу принять смерть от глупости! – закричал Радомир.

– Глупо сидеть в своем замке, когда жизнь проходит мимо, – усмехнулся Роарг.

Вагр закрыл глаза, – сейчас случится самое страшное. Шея Радомира налилась кровью, рука легла на рукоять меча, но он не нашелся с ответом, развернулся и вышел из зала. Воцарилась невеселая тишина. Напряжение снял Вагр. Он хлопнул Роарга по плечу:

– Я надеюсь, лучший друг имеет право получить место в твоей лодке без очереди?

Роарг засмеялся, а следом засмеялись все остальные.

– Мне нужны еще семеро, – объявил Роарг. – Кто еще хочет показать, на что способен?

Желающих не пришлось приглашать повторно. Чардраг показал, как умеет сражаться без оружия против нескольких соперников, ловкими движениями и уклонами, заставляя их наносить удары друг другу. А в конце схватки хитрым приемом он перепутал руки нападавших, словно веревки, и отобрал у них мечи, словно игрушки у малых детей.

Норманн Торвуд, не говоря ни слова, расколол палицей дубовый стол пополам.

Лях Мирослав завязал узлом кочергу, а лютич Бус победил троих, скача на одной ноге. Славный был день и много славных воинов показали свое мастерство и удаль. Но отобрал Роарг только десятиерых.

Радомир стоял снаружи, прислонясь к стене, и слушал крики и смех. Его обуревали противоречивые чувства. С одной стороны, впервые за много лет люди выказали ему неповиновение, с другой – его названный сын у него на глазах становился великим воином, за которым без колебаний шли лучшие из лучших. Значит, судьба острова Руя в надежных руках. К сожалению, не в его руках. С третьей стороны, на острове Руя не может быть двух вождей. Кто-то из них двоих должен уступить. Радомир понимал, что его время уходит, но он чувствовал в себе силы и не только силы, но и огромный опыт, знания. Все это он был готов употребить на пользу островитянам. А вот Роарг пока думал только о себе. О подвигах и славе. Радомир вдохнул вечерний прохладный воздух. Как же ему хотелось вернуться в те времена, когда его не держал груз ответственности, и он мог плыть на все четыре стороны, хоть на край земли, где по старинным преданиям трубили в трубы божьи вестники.

ГЛАВА 4. НОВЫЙ ХОЗЯИН УРСМАРКИ

Дитмар и Манфред сидели за столом в личных покоях хозяина замка. Дитмар выглядел встревоженным и испуганным. Манфред – наоборот, был спокоен и сидел в кресле, развалившись, словно хозяином был он. Рыцарь смотрел на будущего тестя с нескрываемой брезгливостью:

– Тебе не стоит беспокоиться насчет семьи этого Симеона из Торна.

Дитмар не разделял его уверенности:

– Его родня это так не оставит. Чтобы ты не говорил про случайность, все уверенны, что ты убил его намеренно. Они явятся ко мне за вергельдом.

– Убил его я. И беспокоиться нужно мне.

– Тебе они мстить не решатся. Кто они по сравнению с тобой? Мелкие дворяне. А ты любимец императора Конрада. А вот я...

Манфред, потягиваясь, встал.

– Мстить моему тестю, значит, мстить мне. Караван со свадебными дарами уже в пути. Готовься к свадьбе.

– Альмейда... Ты же видел, как она... как она себя вела на турнире. Она уже не маленькая, все понимает... Если бы ты как-нибудь успокоил ее, убедил, что это был несчастный случай...

Из живота жаркой волной в самую голову поднялся гнев. Так бывало всегда, когда реальность не совпадала с представлениями Манфреда об устройстве мира. При чем тут Альмейда?! Почему он должен что-то объяснять какой-то девчонке?! Но внешне гнев никак не проявился. Манфред бросил, направляясь к двери:

– Пойду с ней поговорю.

Спокойствие Манфреда не обмануло Дитмара. Он вскочил, бросил к нему и схватил его за рукав зеленого бархатного камзола.

– Нельзя! До свадьбы нельзя...

Дитмар повис на руке Манфреда, но тот отшвырнул его прочь, как муху. Дитмар отлетел в угол и замер там, не в силах принять происходящее. Манфред снова направился к двери. Дитмар вторично бросился к нему, упал на колени и обхватил его ноги. Он поднял к рыцарю лицо. По старческим щекам текли слезы.

– Не надо! Не надо меня унижать...

Манфред рывком за шиворот поднял Дитмара на ноги. Тот не мог стоять, ноги его подкашивались. Но Манфред держал крепко и говорил прямо в глаза:

– О чем ты думал, когда требовал такой выкуп за дочь? О том, как подороже продать ее красоту. Ты продал – я купил.

Он отпустил ворот Дитмара и тот мешком осел на пол, продолжая стенать:

– Прошу... Не позорь меня...

Манфред взялся за ручку двери:

– Все будет в порядке, старик.

Дитмара, сидя на полу, беззвучно рыдал. Манфред вышел. Старик остался лежать, не в силах пошевелиться. Лицо распухло от слез. От грозного хозяина замка, только что проводившего турнир, не осталось и следа. Был Дитмар Медведь, стал Дитмар Старый.

Зато новый хозяин Урсмарки уверенно шагал по коридору, направляясь к покоям Альмейды. Из одной из комнат на его пути вышла Агата, служанка и наперсница Альмейды. Она почти наткнулась на Манфреда и вскрикнула от неожиданности. Манфред зажал ей рот рукой и прижал к стене. Агата с ужасом смотрела на него, не в силах пошевелиться. Манфред насмешливо оглядел ее. Потом схватил свободной рукой за грудь и больно сжал. Девушка замычала,

пытаясь вырваться. С таким же успехом она могла попытаться сдвинуть гору. Манфред отпустил ее грудь.

– Не нужно кричать.

Он медленно убрал руку от ее рта. Девушка попыталась крикнуть снова, но он ткнул ее в лоб ладонью, стукнув о стену.

– Я же просил. Будешь кричать – удавлю. Поняла?

Девушка, кивнула, судорожно пытаясь подавить всхлипы.

– Пошли.

Он схватил ее за локоть и потащил за собой.

– Сейчас мы подойдем к ее двери в комнату Альмейды, и ты скажешь, чтобы она открыла.

Они подошли к двери в покои Альмейды, которые находились рядом с комнатой ее служанки. Манфред встряхнул Агату.

– Ну!

Служанка судорожно сглотнула и забормотала сдавленным от ужаса голосом:

– Г...г... Госпожа! Это я. Агата!

Манфред отшвырнул ее в сторону. Как только дверь начала открываться, он с силой распахнул ее сам и ворвался внутрь. Дверь захлопнулась за ним с оглушительным треском. Служанка завyla и побежала по коридору туда, где находились покои Дитмара, крича:

– Господин! Господин...

Манфред высился посреди комнаты и откровенно разглядывал Альмейду, которая стояла возле своего ложа под балдахин. Волосы ее были распущены, на ней не было ничего кроме простой рубашки до пят. Ни тяжелого платья, ни корсета, ни бесконечных юбок. Солнце из окна просвечивало сквозь рубашку, обрисовывая лучезарной кистью безупречные контуры женской фигуры. Манфред расплылся в улыбке:

– Время брачной ночи пришло.

Он шагнул к ней. Альмейда истошно закричала:

– Вон!

Ярость клочкотала в ней, клубилась, застила ослепительной пеленой глаза. Она ничего не могла с ней поделать, не могла унять желание броситься на Манфреда и рвать его ногтями в клочки.

Манфред не обратил ни малейшего внимания на ее слова. Он резко обхватил Альмейду руками, прижимая к себе. Она извивалась в его железных объятьях, как змея. Манфред попытался поцеловать ее в шею. Она, резко увернулась, оказавшись к нему спиной. Он швырнул ее на кровать, и, тяжело задышав, стал задирать ее платье, под которым оказалась только нижняя юбка. Манфред в нетерпении шарил по ней огромной ладонью. Альмейда лежала грудью на кровати, вдавленная в нее всей тяжестью рыцаря. Она сунула руку под многочисленные подушки и, наконец, достала нож с изогнутым расширяющимся лезвием, которое покрывали темные руны. Раздался треск разрываемой ткани, и Манфред отбросил в сторону то, что осталось от юбки. Альмейда вновь изогнула тонкое тело, переворачиваясь лицом к насильнику, и наугад ударила его ножом. Удивленный Манфред едва успел отскочить. Опытный воин сделал пару шагов назад, чтобы оценить боевые возможности противника. По щеке из небольшого пореза показалась кровь. Альмейда вскочила с кровати, держа нож прямо перед собой. Манфред усмехнулся:

– Девушке неприлично пользоваться оружием.

Он надвинулся на Альмейду. Она сделала несколько замысловатых и резких движений ножом, образуя защитный полукруг. Это тоже оказалось для Манфреда неожиданностью, и он снова отступил.

– Ого! – в его голосе послышалось уважение. – Кто научил тебя владеть кинжалом?

– Моя мать была дочерью вождя пруссов. Мой дядя учил меня.

Манфред попытался обойти ее по кругу. Но не тут-то было – она бросилась в атаку, нанося выпады ножом, целя, то в лицо, то в грудь, то в руку. Теперь Манфред обеспокоился всерьез. Тем более, что оружия при нем не было. Он спиной отступил к двери. Альмейда не решилась преследовать его.

– Ничего, скоро свадьба. Я научу тебя, как нужно любить мужа.

– Этого не будет! Бог не допустит! – крикнула Альмейда, пытаясь скрыть отчаянье.

Манфред усмехнулся.

– Допустит. Бог любит сильных.

На этих словах, он вышел из комнаты, оставив Альмейду дрожать от страха, сжимая кривой кинжал. Некоторое время девушка пыталась совладать с собой, наконец, ей это удалось и обессиленная внутренней борьбой, она села на кровать. Кинжал выпал из ее руки, а из прекрасных глаз брызнули слезы, печальные свидетели несправедливости мира.

Манфред вышел из комнаты Альмейды, как раз в тот момент, когда там появился Дитмар, а за его спиной – Агата. В руках он с трудом держал огромный рыцарский меч. Увидев Манфреда, хозяин замка замер. Еще мгновение назад Дитмар Старый был объят решимостью защитить остатки чести и умереть достойно, тем самым избегнув позора. Но теперь столкнувшись с грозной фигурой возможно лучшего рыцаря Священной империи, его решимость развеялась как дым. Тем более, он полагал, что самое страшное случилось, и его дочь лежит в своей комнате, опозоренная навеки. Совесть смолкла, уступая место расчету. «Главное, чтобы никто не узнал. А потом свадьба все скроет», – подумал он, с облегчением опуская меч. Манфред быстро пошел ему навстречу, и ударил в плечо со словами:

– Готовься к свадьбе, Дитмар.

От этого удара Дитмар уронил меч, который со звоном упал на каменный пол. Дитмар поднял глаза на служанку и заметил, что она смотрит на него с откровенным презрением. Он отвел взгляд, его трясло от собственного бессилия. Агата оставила хозяина и бросилась к комнате Альмейды.

Когда она вошла, Альмейда уже успокоилась, ее зеленые глаза были сухими, хотя ладонь все еще сжимала кривой кинжал. Увидев оружие в руках госпожи, Агата вскрикнула.

– Что он с вами сделал?!

– Успокойся Агата.

Но Агата заметила обрывки нижней юбки на полу, стремительно схватила их и стала внимательно рассматривать.

– Он надругался над вами?

В глазах Агаты читались гнев и любопытство одновременно.

Альмейда усмехнулась и показала Агата кинжал:

– Пытался, и чуть не поплатился за это жизнью.

Агата присела на краешек кровати рядом с госпожой. Она сильно сомневалась в том, что Альмейде удалось отбиться от Манфреда пусть даже и с кинжалом в руках. Агата незаметно для Альмейды осматривала постель, находила следы борьбы, но не находила следов крови.

– Я никому не расскажу, госпожа!

Альмейда покачала головой, а потом прошептала:

– Поклянись, что наш разговор останется только между нами!

Агата кивнула, предвкушая подробности насилия. Альмейда некоторое время набиралась мужества, а затем выпалила:

– Я хочу сбежать!

Агата невольно отшатнулась, вскочила, всплеснула руками. Такого поворота она не ожидала никак.

– А как же ваш батюшка?

– Он меня продал, – в словах Альмейды звучала горечь. – Продав этому животному, убийце!

– Но... куда вы сбежите? На что и как будете жить?

Глаза Альмейды мечтательно затуманились. Дальнейший ход событий после побега представлялся ей не вполне ясно. Перед глазами вставали отдельные смутные картины: она одинокая и несчастная бредет по лесу, на нее нападают разбойники, и тут ее спасает благородный таинственный рыцарь, который впоследствии окажется наследным принцем далекой богатой страны, где живут благородные, веселые люди, где нет убийств, несправедливости и где все счастливы.

– Вот об этом я и хотела тебя спросить. Я ведь нигде толком и не была кроме окрестностей Урсмарки.

– Вокруг Урсмарки владения императора Конрада. Он верховный правитель всех германских земель, а также Италии, Богемии и многих других. А Манфред его лучший друг, первый рыцарь королевства. Бежать некуда.

– Неужели все вокруг подчиняются Конраду, неужели нет нигде уголка, где мог бы свободно жить человек?

Глаза Агаты возбужденно заблестели.

– Есть!

Надежда зажглась в груди Альмейды: вдруг далекая волшебная страна, где все счастливы, существует?

– Говори!

Агата вздохнула и начала:

– Чуть дальше на севере, на берегу моря и на окрестных островах живут многочисленные славянские племена. Славяне язычники и свирепые воины. У них нет королей и императоров, есть только вожди, которых они выбирают по доблести, а не по рождению. Они огромные и сильные как медведи. Любят веселые пиры и охоту. А еще они отважные мореходы и пираты. Они нападают на германские города и города данов, грабят их и освобождают рабов. Наш император и императоры до него не раз пытались их покорить, но у них ничего не получилось. А еще, – она лукаво улыбнулась, – у них свободные нравы, и девушка вольна сама выбирать себе жениха.

Альмейда недоверчиво посмотрела на служанку.

– Сама выбирать себе жениха? Да ну тебя! Врешь и не краснеешь. Это все сказки.

– А вот и не сказки! – Агата обиженно поджала губки. – А первый красавец среди них – Роарг, Сын Ворона. Говорят, он красив, как Бог, и отважен, как лев. Как-то раз граф Мекленбурга объявил награду за его голову за то, что он напал на его купеческий караван. А Роарг проник в Мекленбург в повозке с сеном и соблазнил его дочь. Его застigli прямо в ее спальне. Он сражался отчаянно, но силы были неравны. Солдаты графа схватили его и бросили в темницу. Граф повелел держать его в цепях до тех пор, пока его отец Радомир, вождь бодричей с острова Руя, не возместит ущерб, который нанес этот разбойник Мекленбургу. Но в первую же ночь дочь графа помогла ему бежать. Для этого она сплела веревочную лестницу из собственных волос!

– Как же она могла спасти его, если этот Роарг ее обесчестил?

– Нет! – горячо возразила Агата. – Не обесчестил. Она сама отдалась ему, потому что перед его красотой и манерами не способна устоять ни одна женщина в мире.

– Врешь!

– Клянусь девой Марией и святым распятием!

Агата истово перекрестилась.

– И что же дальше? Он сбежал вместе с дочерью графа?

– Хотел. Она ведь была теперь коротко острижена и переделась в мальчика, чтобы незаметно выскользнуть из города. Но один из стражников узнал ее, и бегство было раскрыто. Роарг вскочил на коня и был таков. А бедная девушка с тех пор не могла больше смотреть ни на одного мужчину, постриглась в монахини и через год умерла от тоски в монастыре святой Бригитты.

– Самая прекрасная смерть – смерть от любви.

Обе девушки вздохнули, и каждая задумалась о своем.

ГЛАВА 5. ВЕДУНЬЯ

На противоположном от Арконы конце острова, в самой лесистой ее части, в центре бурелома, среди поваленных деревьев и колючих кустарников стояла хижина ведуньи Радмилы. Массивные бревна, из которых она была сделана, давно покрылись пушистым зеленым мхом, и почти сливалась с окружающей чащей. На двери избышки было вырезано лицо какого-то древнего бога, с гневными глазами, открытым ртом и длинными волосами, которые распростирались вокруг головы наподобие лучистой короны.

Ведунья Радмила, молодая женщина, с распущенными волосами, которые практически полностью закрывали ее лицо, занималась очень важным колдовским делом, смысл которого был известен только ей одной.

Посреди темной хижины, куда пробивались сквозь щели тонкие солнечные лучи, стояла жаровня. Под ней потрескивал огонь. На жаровне стоял котелок, в котором булькала вода. Радмила подошла к одной из стен, на которой висели многочисленные пучки трав, корней и связки грибов, отщипнула немного от одного из пучков и бросила его в котелок. Радмила наклонилась над варевом и начала шептать что-то неразборчивое.

По стенам хижины висели кости, чучела животных, кое-где стены украшали начертанные чем-то подозрительно напоминающим кровь странные знаки. По углам стояли деревянные идолы с грубо вырезанными боролатыми лицами.

Радмила снова бросила в варево какие-то корешки, снова забормотала что-то таинственное. Посвященный без труда узнал бы в этом бормотании древний язык друидов, народа, который обитал в лесах Европы задолго до славян и германцев. Когда этот многочисленный и просвещенный народ начал исчезать, многие его представители стали учителями славян, их жрецами и прорицателями, а их язык стал языком тайных знаний, на нем творились заклинания, делались заговоры и приговоры, привороты и отвороты. Язык этот хранился бережно и передавался посвященными из поколения в поколение, помогая славянам не сбиться с пути в лесной чаще.

Предки Радмилы пришли в Поморье вместе с франкским купцом Само много сотен лет назад. Само был родом из винидской области Бретани. В большинстве своем бретонцы были выходцами из уэльского королевства Гвинедд. Когда-то их разбил Юлий Цезарь, а затем с берегов туманного Альбиона их окончательно вытеснили саксы. Само пришел к славянам не один, а с большой группой бретонских купцов. А в то лихое время купцы, как правило, следовали в сопровождении наемной дружины, да и сами были зачастую неплохими воинами. Безмен и меч в те времена висели рядом на одном поясе. Само был не простым купцом, а торговцем оружием, что пришлось постоянно воевавшим славянам весьма кстати. Когда славяне пошли против гуннов, купец Само отправился с ними в поход и проявил такую большую доблесть, что славяне избрали его над собой вождем. Славяне видели в нем не только брата по общей винидской (винидами славян называли латиняне) крови, но и носителя древних традиций, ибо имя Само было друидским, а язык жрецов был хорошо известен в Поморье.

Теперь Радмила использовала свои знания на пользу руян, помогая Радомиру и его дружине гаданиями и врачеванием. Скрипнула дверь, Радмила улыбнулась и, не поворачивая головы, сказала:

– Входи, Роарг. Я давно тебя жду.

Дверь отворилась, и на пороге появился Роарг. Постоял, привыкая к полусумраку.

– Как ты догадалась, что это я?

Радмила, наконец, оторвалась от котла.

– По походке. Я слышала твои шаги на тропинке.

– По шагам? У меня какие-то особенные шаги?

– У всех особенные шаги.

– Интересно... А шаги бодричей отличаются от шагов, скажем, норманнов?

– Да.

– И ты можешь научить меня различать шаги?

Радмила улыбнулась. Ей нравилась пытливость Роарга.

– Это приходит с опытом. Ты сам научишься, просто нужно об этом помнить. Ты пришел за предсказанием?

– Да. Мы отправляемся в набег за богатой добычей. Мои люди желают знать, что нас ждет.

Радмила кивнула:

– Хорошо. Оставайся у порога и не делай ни шага вперед. Чтобы не происходило. Ты меня понял?

– Понял, Радмила.

Она начала перебирать ловкими пальцами свои пышные, хотя и спутанные волосы, нашла в них пучок травы, привязанный к волосам, оторвала его и тут же швырнула в огонь. Огонь на мгновение стал зеленоватым, а потом ярко желтым.

Роарг внимательно, с интересом наблюдал за Радмилой. Он с уважением относился к знаниям ведуньи, но больше руководствовал девизом: «Судьба того балует, кто сам бесстрашен».

Радмила осторожно наклонилась к огню, опустилась на колени и втянула носом дым. Потом она резко отклонилась назад, запрокинув голову. Глаза ее широко открылись, взгляд устремился вверх.

Трава, которую она бросила в огонь, обладала особыми свойствами, которые давали разуму силу покидать тело и отправляться в миры, где нет «когда», где все происходит одновременно и поэтому можно узнать все, что было, есть и будет. Для несведущего человека дым, который сейчас поднимался из костра, был смертельно опасен. Если вдохнуть дыма слишком много, то разум не сможет найти дорогу назад, в родное тело и будет обречен вечно скитаться между мирами. А тело останется безвольным, не способным ни есть, ни пить, ни говорить, ни ходить. Только дышать и ждать, когда разум вернется. Но самое страшное, если во время скитаний между мирами в поисках тела, разум вселялся не в свое тело и вступал в поединок с его хозяином. Радмила видела таких одержимых людей, в которых жили как бы два человека, попеременно одерживая верх друг над другом. Иногда бывало, что в человека вселялось и две, и три, и даже больше чужих душ. Иногда по счастливой случайности разуму все-таки удавалось вернуться в родное тело. Но все равно такое путешествие не проходило бесследно. И человека либо охватывала непреодолимая тоска по утраченному миру, где нет времени, и человек убивал сам себя; либо человек становился совершенно безумным и, поддаваясь вспышкам внезапной ярости, начинал убивать всех подряд; но чаще всего человек, становился тихим, задумчивым и равнодушным ко всему, что происходило вокруг.

Сначала Радмила видела только струю дыма, поднимающуюся вверх, затем она стала различать очертания парящей птицы. Постепенно дым становился все прозрачней, и Радмила увидела, что это ворон, который сел на чье-то неясное плечо.

Теперь Роарг наблюдал за Радмилой с тревогой. Он видел, что с женщиной твориться что-то неладное, что она находится не только в хижине, но и где-то еще, в каких-то неведомых пределах. Радмила, извивалась, корчилась, делала странные телодвижения, что-то бормотала на пугающем незнакомом языке. Роарг непроизвольно сделал движение вперед, чтобы помочь ей, но, опомнившись, снова отступил назад.

Тем временем, Радмила увидела, что ворон сидит на плече Роарга. Сам Роарг кому-то улыбался. Что-то кому-то говорил. Слов не было слышно, губы шевелились беззвучно. Собеседник Роарга расплывался в струях дыма. И вот, наконец, Радмила разглядела его лицо отчетливо и близко. Это было лицо Альмейды. Золотую гриву волос невозможно было не узнать.

Зеленые глаза Альмейды вспыхивали призрачным потусторонним светом. И тут видение исчезло.

Радмила пришла в себя. Некоторое время она сосредоточенно смотрела на огонь, стараясь оценить увиденное. Видение ее не удивило. Она знала, что Роарг отправляется в набег на свадебный караван, который вез брачный выкуп Манфреда из Кобурга за Альмейду. Видение сулило опасность. Но не Роаргу, а ей самой. Она вдруг поняла, что Альмейда – ее будущая соперница. Каким образом это произойдет, Радмила объяснить не могла, но чувствовала: что-то должно случиться. Он тряхнула головой, чтобы вернуть ясность мыслям.

– Нет! – внезапно сказала ведунья, поднимаясь на ноги.

– Что «нет»? – удивился Роарг.

Радмила неожиданно для себя самой заговорила страстно и убежденно:

– Ты не должны ехать! Ни в коем случае.

– Почему? – нахмурился Роарг.

Радмила быстро подошла к Роаргу. Встала к нему очень близко, почти касаясь его всем телом. Затем заглянула ему в глаза, словно силясь увидеть в них ответ на какой-то важный для себя вопрос.

– Прошу тебя!

От ее тела исходил такой жар, что Роарг невольно отстранился:

– Что сказали боги?

Радмила закусила губу.

– Ты будешь взят в плен. Но не железом.

Роарг просветлел.

– Хорошо. Не железом. Значит золотом! Спасибо, ведунья. Когда я вернусь, я поделюсь с тобой.

Роарг вышел из хижины. Радмила некоторое время смотрела на закрытую дверь. По ее щеке покатилась слеза. Она любила этого юного бога, любила всем сердцем, а он будто не замечал этого! Неужели он не понимает, что их союз заключен на небесах: сын вождя и верховного жреца Святовита и ведунья, дочь князя Гостомысла. Он – знаменитый на все Поморье воин, она – ведунья, чье слово закон не только на острове Руя, но и у всех славян. Сила и Разум. Их союз неизбежен. И она сделает все, чтобы Роарг принадлежал только ей.

Роарг же бежал вниз по тропинке. Он торопился к берегу, где его ждали десять верных друзей, готовых отдать за него жизнь. Честно говоря, предсказание его не впечатлило. Он было слишком туманное. К Радмиле он приходил, чтобы отдать дань традициям и вселить уверенность в товарищей по оружию. Формальности были соблюдены, остальное зависело только от удачи и от него самого.

На берегу лежала лодка, вытасченная частично на берег. Десять человек во главе с Варгом грузили на нее все необходимое для набега. Вещей было немного: всего пара небольших мешков с провизией, несколько колчанов со стрелами и болтами для арбалета Вольты. Решили идти налегке, чтобы оставить побольше места для добычи. Харальд и Безымянный прилаживали к вертлюгам весла. Все десятеро были в приподнятом настроении. Вагр первым заметил вожака, спускающегося с утеса:

– Что она сказала?

Роарг остановился, выждал паузу, оглядывая веселым взглядом товарищей, а затем крикнул:

– Нас ждет золото!

Люди Роарга радостно закричали, начали хлопать друг друга по плечам. Харальд бил своими топорами друг о друга. Вагр немного успокоился. Он понимал важность знамений и предсказаний, но считал, что главное – это вера дружинников в своего вождя, в его удачу. А вера в Роарга была безусловной.

Роарг подошел к лодке и, навалившись всем телом, оттолкнул ее от берега. Лодка легко скользнула в море, подчиняясь силе воина. Бойцы один за другим в строгом, отработанном порядке стали запрыгивать в лодку, придавая ей еще большее ускорение. И вскоре весла вспенили воду. Вольта затянул ритмичный напев, прерываемый на каждом ударе весла общим: «Аой!». Роарг сидел на руле. В какой-то момент он обернулся и увидел Радомира, который стоял на вершине утеса и наблюдал за отплытием маленькой дружины. «Все-таки пришел проводить» – подумал Роарг.

Он не увидел другого провожающего. Радмила стояла чуть поодаль на берегу, скрывшись в тени чахлого деревца. Она поднесла руку к губам, раскрыла ладонь и дунула. С ее ладони слетел лепесток какого-то цветка. Его подхватил легкий ветерок и, крутя и переворачивая, погнал прямо за лодкой Роарга.

А Роарг больше не оглядывался. Единственное о чем он сожалел, что у него нет настоящего боевого драккара, который мог бы вместить не десять, а тридцать храбрецов. Но и этих десяти будет достаточно. Каждый из них стоит сотни. К тому же, люди священной империи опасались бодричей только на море, а на суше они привыкли чувствовать себя под защитой императора Конрада и его рыцарей. Его отец был не прав, когда говорил о том, что обоз будет сопровождать большая охрана. Караван будет двигаться не по вражеской территории. А с небольшим пусть и вооруженным сопровождением они справятся без труда.

ГЛАВА 6. НАБЕГ

Когг со свадебным выкупом медленно плыл вдоль берега. Весла лениво поднимались и опускались. Капитан высматривал удобное место для высадки. Над морем стелился утренний туман, который изредка разрывали своими крыльями стремительные чайки. Наконец, когг остановился, в воду упал каменный якорь. Когг покачивался на волнах вблизи берега. С корабля начали спрыгивать люди. Они выгружали тюки и сундуки и складывали их тут же на берегу. Дальше им предстоял путь по суше.

К берегу из леса выехали две крытых повозки в сопровождении конных воинов. Сундуки и тюки начинали споро загружать в повозки.

Роарг и его люди наблюдали за этим с нескрываемым удовольствием.

– Торговец не соврал. Это тот самый обоз, – удовлетворенно хмыкнул Вагг.

– И всего четыре всадника охраны!

Харальд схватился за рукоятку топора, порываясь выскочить из укрытия:

– Нужно напасть сейчас!

Роарг накрыл его руку своей.

– Нет. Он должны выгрузить все. Если нападём сейчас, когг с частью добычи уйдет в море, поднимет парус, и нам его не догнать. Терпение. Добыча уже у нас в руках.

Последний сундук, тем временем, отправился в повозку, и караван снова двинулся в путь. Двое всадников ехали впереди, и двое замыкали процессию.

– Охрана небольшая... – пробормотал Роарг. – Слишком небольшая. Это странно.

Харальд весь извертелся от нетерпения:

– Нападаем сейчас!

Роарга охватило сомнение:

– Лучше подождать, когда они въедут в лес и присмотреться... Что-то здесь не так.

Но Харальд не мог себя сдерживать. Тем более, что повозки уже подъехали совсем близко. Они почти поровняли с лесом, следуя по извилистой дороге, которая вела от моря в столицу Урсмарки. С диким криком Харальд устремился к каравану с двумя топорами в руках. Длинные усы развивались, как два маленьких знамени. Остальные увлеченные его порывом, бросились следом. Роарг и Вагг оказались вынуждены присоединиться к товарищам.

Караванщики увидели, как из леса на них бегут вооруженные люди, натянулись поводья, лошади встали. Всадники выхватили из ножен мечи. Один из всадников капитан Гюнтер, мужчина лет сорока, с обветренным грубым лицом, не выдавал ни малейших признаков паники.

– Похоже пираты с Руи. И, похоже, они нас ждали. Вперед!

Всадники пришпорили коней и понеслись навстречу нападающим.

Впереди, далеко оторвавшись ото всех, бежал Харальд. Он на ходу швырнул оба своих топора один за другим. Один из всадников едва успел прикрыться щитом от одного топора, который глубоко застрял в нем, но второй влетел лезвием прямо в череп, расколов его надвое. Всадник, даже не вскрикнув повалился на землю, увлекая за собой и коня.

Харальд торжествующе закричал и выхватил из ножен за спиной короткий римский меч, отлично подходящий для ближнего боя.

В это время из леса вылетело еще несколько всадников, а также человек двадцать пехоты с копьями наперевес, которые с криком бросились на разбойников. Крик этот остановил нападающих. Они увидели, что их атакуют с тыла.

– Сзади! – скомандовал Роарг. – Всем развернуться!

Теперь уже бодричи оказались в положении обороняющихся. Они начали разворачиваться. И не увидели, что из повозок выскакивают люди с арбалетами.

В это время оставшегося одного Харальда сбил с ног своим конем начальник охраны каравана. Харальд упал на спину, а над ним взвился на дыбы разъяренный скакун.

Роарг и его люди сомкнули щиты, готовясь отразить внезапный удар из леса. Превосходящий численностью противник их не смущал. Все они уверенно чувствовали себя в рукопашной, каждый мог сразить нескольких врагов.

И в это время начальник охраны капитан Гюнтер закричал:

– Стойте! И оглянитесь.

Роарг остановился и медленно обернулся. Вслед за ним обернулись и его люди: Вагр, Безымянный, Вольта, Чардаг, Мирослав.

Они увидели, что на них нацелены арбалеты. Один залп и все они – трупы. А со стороны леса их окружали полукольцом копейщики. Очень хорошо и одинаково экипированные. Все в длинных кольчугах, одинаковых шлемах. Они направили копья на людей Роарга. Роарг опустил меч. Но Вольта вскинул к плечу свой арбалет и закричал:

– Умрем тяжело!

Роарг резко опустил его арбалет вниз:

– Тихо! Умрем, но не сейчас.

К ним подъехал начальник охраны, от которого не ускользнуло движение Роарга.

– Я вижу, ты главный. Назовись, разбойник, – приказал он.

– Роарг из Руи.

Начальник охраны некоторое время всматривался в лицо Роарга, а потом искренне рассмеялся и обернулся к своим подчиненным:

– Слышите? Мы поймали самого Рорга! Славный подарок к свадьбе для Манфреда.

Капитан Гюнтер наклонился через луку седла, чтобы быть ближе к Роаргу.

– Неужели ты думал, разбойник, что тебе удастся превзойти в военном искусстве настоящего воина? Мои люди прикрывали высадку из леса. Ты не знал, что так обычно делается? Ну, конечно, не знал. Ты разбойник, а не воин.

Не смотря на грозную славу Роарга капитан не испытывал особой радости от его поимки. Таких как Роарг он презирал, не считал за достойных противников. Разбойники могли нападать на незащищенных купцов и странников, грабить монастыри и церкви. Они не знали, что такое настоящий бой, тем более что такое настоящая война. Им были неведомы дисциплина, слаженные действия, основы тактики и маневров. Гюнтер вглядывался в лицо Роарга, но не ожидал увидеть в его глазах страх, он ожидал увидеть растерянность. Но Роарг не выглядел растерянным. Капитан нахмурился: похоже, этот язычник еще не осознал, что произошло.

Внезапно Роарг схватил начальника охраны за руку и резко сдернул с коня. А затем одним махом запрыгнул седло сам. Конь недовольно заржал. Никто и опомниться не успел, а Роарг уже прищипорил его и помчался вдоль берега. К нему за спину на ходу успел запрыгнуть Вагр. Охрана, да и разбойники только рты разинули. Наконец стрелки опомнились и вскинули арбалеты.

Начальник охраны недовольно замахал руками:

– Не стрелять! Держать остальных! Держать остальных.

И то, правда, остальные были уже готовы к прорыву. Но они не успели сделать и пары шагов, – всюду только копья и арбалеты.

Один из всадников спросил командира:

– Догнать этих двоих?

– Нет. Нам приказано охранять караван, а не гоняться за разбойниками.

Капитан был старым, закаленным в боях наемником. Он знал множество военных хитростей и приемов. Он знал, что риск занятие мертвецов. Этот маленький отряд мог быть приманкой, призванной выманить основные силы, заманить их бессмысленной погоней в лес и там

перебить. Нет, риск – занятие мертвецов. Он встал, сплюнул под ноги и закричал на разбойников:

– Бросьте оружие на землю или я загоню вас в море и утоплю!

Люди Роарга неохотно стали бросать оружие наземь: мечи, топоры, сулицы, цепи и булавы.

А Роарг с Вагром, ехали уже в лесу. Роарг натянул поводья, останавливая скакуна, и спрыгнул.

Вагр удивился:

– Ты чего? Мы еще не доехал до лодки.

– Нам не нужна лодка, – ответил Роарг. – Слезай.

Вагр нехотя спрыгнул. Роарг ударил коня по крупу, и тот устремился прочь, подальше от чужаков.

– Я думал, мы отправимся за подмогой, – продолжал недоумевать Вагр.

– Я не брошу своих друзей. Мы должны их освободить.

Роарг решительно углубился в лес. Вагр последовал за ним.

– Брось говорить ерунду, мы не сможем освободить их вдвоем. Нам нужна подмога.

Роарг, казалась, не слышал доводов друга. Вагр схватил его за рукав и остановил.

– По-моему, ты просто боишься вернуться к Радомиру с позором. Ведь он предупреждал...

Роарг схватил Вагра за грудки и хорошенько встряхнул:

– Я ничего не боюсь! И Радомиря я не боюсь!

Он отпустил Вагра, у которого на мгновение перехватило дыхание.

– Мы не успеем за помощью, – сказал Роарг, – к тому времени, когда Радомир соберет дружину, когда она высадится здесь и доберется до замка Урс, все наши друзья будут мертвы. И что нам останется? Только месть. Плохое утешение для тех, кто мертв.

Роарг углублялся все дальше в лес. Вагр за ним. Роарг продолжил излагать свои доводы:

– Мы дали взаимную клятву, помнишь? Дружина не покидает меня, я не покидаю дружину.

Вагр кивнул, хотя в глубине души считал, что подобные клятвы лишь дань традиции, ритуал, своеобразный договор. Этим Вагр отличался от своего друга: Роарг верил, что личные отношения важнее всего, Вагр считал, что реальные обстоятельства диктуют свои законы.

– Но как мы их спасем? Как? – спросил Вагр.

Роарг пожал плечами:

– Ты у нас книжник. Ты каждый раз выбираешь из добычи книги. Придумай что-нибудь. Тут нужна хитрость.

Вагра считали книжником не на пустом месте. Мало, кто из пиратов имел представление о настоящей ценности книг. За исключением некоторых опытных разбойников, которые охотились за книгами специально и ценили их больше всего остального. Он и сам поначалу был таким. Некоторые книги стоили целое состояние. Они были из тщательно выделанной свиной кожи, рисунки в них были такими яркими и живыми, что казалось, люди на них сейчас спрыгнут со страниц и заговорят или разбегутся по свету. Часто они были украшены редкими драгоценными камнями, прошивались золотой и серебряной нитью. В них содержались очень ценные знания, которые позволяли строить дома, смешивать металлы, побеждать в битвах, управлять огромным количеством людей. Вагр и такие как он специально охотились за книгами и продавали их книготорговцам, а те в свою очередь монастырям, знатным людям и даже королям и императорам. Книготорговцы часто находились в тайном сговоре с разбойниками и даже давали им наводки, где можно было добыть ту или иную редкую книгу. С книгой за пазухой можно было проехать по любой дороге, войти в любой город. Это тебе не сундук с церковной утварью, за который можно угодить на виселицу.

Но однажды Вагр решил заглянуть в одну из таких книг и навеки стал ее пленником. Это была «История» грека Геродота. Вагр внезапно осознал, как велик этот мир. Он почувствовал, что есть более высокие цели, рядом с которыми простая и понятная жизнь на острове Руя казалась мелкой и незначительной. После Геродота он познакомился с Птолемеем и стал очарован звездным небом и его тайнами. Он путешествовал с Фукидидом и смеялся вместе с Аристофаном над враждой мышей и лягушек. А вместе с Аристотелем понял, что нет на свете ничего сильнее человеческой мысли.

И вот сейчас Роарг предлагал ему применить те знания, которые он почерпнул из книг. Из всех сорока восьми книг, которые побывали в его руках. Вагр задумался. С ходу он не мог припомнить такой военной хитрости, которая помогла бы одолеть двум воинам пятьдесят человек. Он мысленно перелистал Тита Ливия особенно те места, где Ганнибал раз за разом побеждал римские легионы, но не нашел ничего подходящего к случаю.

Вагр украдкой посмотрел на Роарга, но тот был занят тем, как сохранить направление, чтобы не потерять обоз, его охрану и своих друзей-пленников. Вагр вздохнул: тут помощи не дождешься. Выручил его великий Аристотель. В мозгу вспыхнула его фраза: «Ум заключается не только в знании, но и в умении прилагать знание на деле». Точно! Если ты не можешь победить противника, то может быть его может победить кто-то другой, более сильный. А кто сильнее всех на свете? Кто способен победить не только человека, но даже самое страшное чудовище? Ответ для Вагра был очевидным. Он заметно повеселел и поспешил догнать Роарга, чтобы сообщить ему, что нашел решение задачи.

ГЛАВА 7. НОЧНОЙ БОЙ

Отряд Роарга сильно задержал караван. Пока собирали оружие, пока разбирались с пленниками... Капитан Гюнтер не захотел вести обоз по лесу ночью. Поэтому он распорядился найти удобное место в тени деревьев и расположиться на ночлег. Он расставил посты дозорных вокруг лагеря. Отдельно несколько часовых стояли у повозки. Остальные занялись приготовлением пищи. Весело затрещали костры, на которых жарилась дичь.

Пленных посадили в специально сделанные для этого из стволов молодых деревьев клетки, по четыре человека в каждую. Пленные тихо переговаривались. Несмотря на неудачное нападение, они не предавались унынию. Их интересовал только один вопрос:

– Как ты думаешь, Роарг успеет добраться до Руи и собрать подмогу? – спросил Харальд Безымянного.

– Нет. Вспомни, сколько мы плыли. Вспомни, что Радомир был против этого набега.

Харальд задумчиво погладил усы: «Значит, нужно выбираться самим. Может Чардаг, используя свою невероятную силу, сможет сломать клетку?» Он посмотрел на Чардага. Тот сжимал и разжимал «прутья» клетки, пробуя их на прочность. К клеткам подошел начальник охраны и ударил Чардага рукояткой кинжала по пальцам. Гюнтер дожевывал кусок куриной ноги и бросил оставшуюся кость в клетку. Вытер жирные руки о кожаные штаны, громко рыгнул.

– Ждете подмоги? – спросил он. – Напрасно. Вас нарядят в шутов и будут развлекать гостей на свадьбе Альмейды и Манфреда.

– Тебя и наряжать не придется! – отозвался Вольта. – Твои люди, небось, до сих пор смеются над тем, как Роарг увел твоего коня.

Начальник охраны выхватил меч из ножен.

– Одним шутом больше, одним меньше...

Он уже собирался нанести удар, когда вокруг раздаются крики ужаса. Гюнтер поспешно обернулся и увидел мечущиеся между кострами тени. Начальник охраны устремляется на крики, забыв о пленниках.

Кричали несколько копейщиков, собравшиеся вокруг одного из костров. Один указывал на что-то в чаще леса. Гюнтер схватил одного из солдат за плечо:

– Что случилось?

Копейщик был испуган до смерти:

– Там! Там! Привидение! Призрак!

Начальник охраны взглянул в сторону, которую указал перепуганный копейщик и увидел, как меж деревьев плывет бледная оскаленная морда. Плыть медленно и безо всякой цели. Глаза расширены до предела. Полет морды сопровождался низким гудением, то нарастающим, то затухающим. По спине капитана скатилась холодная капля пота, а волосы на загривке зашевелились. Он еще крепче сжал меч. «Господи, спаси и сохрани!» – пролетело в его мозг. Морда то исчезала за деревьями, то появлялась вновь.

Вагр в это время стоял за деревьями и раскручивал над головой полую деревянную кубышку, которая и издавала гудение. Рядом с Вагром расположилась небольшая «катапульта», сделанная из согнутого гибкого деревца и веревки, на конце – чаша из выдолбленного дерева. Рядом с «катапультой» в яме, наполненной водой, копошились лягушки.

Гюнтер был настолько увлечен полетом призрака, что не заметил, как со стороны леса к клеткам метнулась тень пригнувшегося человека.

Наконец Гюнтер вышел из оцепенения и закричал:

– Все ко мне!

Копейщики и арбалетчики, которые еще не обезумели от страха, поспешили к своему командиру, как к бухте спасения. Все продолжали смотреть на лицо, которое то ныряло вниз, то взмывало вверх, то дергалось вправо, то прыгало влево.

Начальник охраны, не спуская глаз с призрака, вытянул руку:

– Арбалет!

Кто-то протянул ему арбалет. Начальник охраны взял его и прицелился. Плавным нажатием курка болт арбалета попал точно в лицо, которое тут же сморщилось и с тихим обиженным вздохом полетело вниз. Тут же, как по команде, прекратилось и странное гудение. Все замерли в напряженном ожидании, что же будет дальше.

Роарг, тем временем, пользуясь тем, что противник отвлечен борьбой с приведением, пригнувшись, подобрался к клеткам. Пленники уже готовы были закричать от радости и удивления, но Роарг прижал палец к губам. В руках у него был нож, которым он начал перерезать толстые веревки, которыми скреплялись деревянные прутья.

А напуганные копейщики и стрелки продолжали напряженно вглядываться в лес. Наконец, Гюнтер выдохнул и опустил арбалет:

– Похоже, я убил привидение.

Один из копейщиков возразил тоном знатока:

– Привидение нельзя убить. Оно и так мертвое.

– Если это было привидение... – пробормотал начальник охраны.

– А что же? – удивился «знаток».

Гюнтер решительно направился к месту падения призрака:

– А вот мы сейчас посмотрим!

И в этот момент снова начались панические крики.

– Да что там еще опять?! – раздраженно заорал капитан.

В это время ему что-то шлепнулось прямо на загривок. Что скользкое, холодное и противное скользнуло за шиворот. Гюнтер смахнул это «что-то» на землю и пригляделся. Перед ним сидела лягушка. Он обиженно квакнула и ускакала прочь. «Что за чертовщина!» Рядом упала еще одна квакушка. Начальник охраны невольно отступил в сторону и посмотрел вверх. Где-то он слышал о дожде из лягушек, как о дурном предзнаменовании. И тут он увидел, что сверху летит еще одна. Гюнтер отпрыгнул в сторону, а мимо него пробежала, размахивая руками и крича несколько копейщиков:

– Кара Господня! Кара Господня!

Солдаты метались по лагерю как оглашенные. Они спотыкались, натыкались друг на друга и вопили, вопили, вопили...

А Вагр, сдерживая смех, наполнял лягушками «катапульти» и отправлял земноводных в небо в сторону лагеря. По пути лягушки разлетались веером в разные стороны, отчаянно квакая. Страх – вот, кто может победить любого противника.

Еще одна лягушка упала к ногам начальника охраны.

– Дождь из лягушек... – пробормотал он, осеняя себя крестным знамением. И тут его осенила внезапная догадка и он побежал через лагерь к клеткам с пленниками. Мимо пронеслись его люди, обезумевшие от паники. Начальник охраны на ходу обнажил меч. Вместо клеток он увидел лишь разбросанные прутья. Гюнтер остановился и огляделся. Из-за его спины прямо из тьмы вырос Роарг и, зажав ему рот, перерезал горло. Начальник охраны несколько раз конвульсивно дернулся, глаза его потухли. Роарг успел подхватить меч, падающий из ослабевших рук.

А в лагере уже началась резня. Люди Роарга убивали охваченную паникой охрану каравана. Роарг с мечом в руках бросился в гущу ночного боя. Копейщики практически не оказывали сопротивления. Большинство просто разбежалось по лесу. Оставшиеся падали под ударами людей Роарга.

Харальд Длинноусый бродил по лагерю с прутом от клетки в руках. Он сбивал с ног одного стражника за другим, наклоняется и осматривал упавших, каждый раз повторяя:

– Не тот. И этот не тот.

Харальд искал того, кто забрал его топоры. И вскоре ему это удалось. Он сбил с ног очередного охранника и снял с его пояса свое оружие:

– Наконец-то!

Роарг уверенно двигался по лагерю, нанося разящие удары отобранным у начальника охраны мечом. Один, второй, третий. С меча обильно стекала кровь. Место побоища оглашалось криками ужаса и боли. В свете походных костров металась неясная тень.

А Роарг уверенно прорубал путь к повозкам. Он видел, что один из охранников пытается распрячь лошадь, чтобы спастись на ней бегством. У него это плохо получалось, так как руки не слушались из-за сковавшего их страха. Роарг метнул меч, который со свистом вонзился охраннику между лопаток. Роарг подошел к нему, выдернул меч и заглянул в повозку. Она была полна сундуков и тюков. Как и обещал плененный купец. Отлично! Роарг заглянул во вторую повозку, и тут из повозки с диким воплем прямо на Роарга выскочил еще один стражник. Он повалил этим прыжком Роарга навзничь и начал яростно душить, не переставая вопить:

– А-а-а! А-а-а-а!

Стражник сидел на Роарге верхом, руки сомкнуты шее. Роарг из последних сил пытался оторвать их от себя. Но, похоже, страх придал охраннику дополнительные силы. Роарг захрипел. Затем, удвоив усилия, перевалился набок. Теперь и он, и стражник лежали на боку, но охранник продолжал душить его. На помощь Роаргу поспешил Безымянный. Он вонзил свой клинок в шею стражнику и тот затих. Роарг с трудом оторвал мертвые руки от своей шеи и перекатился на спину. Он хрипел и тяжело дышал, затем начал кашлять.

– Роарг, ты жив? – с тревогой спросил Безымянный.

Роарг встал на четвереньки. Его начало рвать. Безымянный с облегчением выдохнул:

– Жив!

Тем временем над лагерем опустилась тишина. Как всегда, внезапная с окончанием боя. Харальд тяжело дыша, оглядывался по сторонам. К нему подошел Вольта:

– Кажись все...

Харальд, задрав голову, закричал:

– Победа-а-а!!!

Немедленно отозвались и другие голоса: «Победа! Победа!» Роарг с трудом встал, подобрал меч, а затем вскинул его вверх и тоже попытался крикнуть:

– По-бе...

Но крик перешел в кашель. Безымянный хлопнул его по плечу и засмеялся.

– Спасибо тебе, Безымянный. Я уже видел чертоги Святовита.

– Это ты, Роарг, спас наши жалкие жизни. А что они там кричали про приведение?

– Это тебе Вагр расскажет.

И они отправились в лагерь, чтобы присоединиться к радости товарищей.

Вагр как раз демонстрировал собравшимся вокруг него воинам сморщенный бычий пузырь.

– Вот это и есть приведение, – объяснил он.

– Это бычий пузырь, насколько я вижу, – удивился Харальд.

– Да. Я его случайно нашел, и меня осенило! Я надул его, нажег угля и нарисовал злую морду. На мое счастье ветер дул в сторону лагеря, ну, я и отправил его гулять наудачу. А лягушек мы с Роаргом ловили. Страх – самое сильное оружие, – назидательно закончил свой рассказ Вагр.

– Только меня не вздумай пугать.

К ним подошли Роарг и Безымянный.

– Теперь все к повозкам, – распорядился Роарг, – нужно отвезти добычу к лодке. И как можно быстрее.

Костры уже догорали, повсюду в разных позах лежали тела убитых. Лошади, которые были запряжены в повозки, давно разбежались или были использованы для бегства, поэтому таскать сундуки и мешки пришлось вручную. Правда, Чардраг попытался утащить одну из повозок, но у него ничего не вышло, кроме вонючего духа из заднего места от напряжения.

Таскали добычу до берега до самого утра. Но никто не жаловался на усталость, наоборот, в рядах разбойников царило веселье. Будет, что рассказать по возвращении: и о засаде на берегу, и о том, как Роарг украл коня у начальника стражи, и о привидении, и дожде из лягушек, и о том, как десять храбрецов победили пятьдесят наемников.

– Не поверят, – сокрушался Харальд.

– Поверят! – возрождал ему Чардаг, показывая кулак, который выглядел весьма убедительно.

Когда добро перетаскивали на берег, отдыхать не стали, а решили сразу перегрузить все в лодку, – опасались, что сбежавшие с поля боя могли привести подмогу из замка Урс. Прежде чем грузить, проверяли содержимое сундуков, чтобы взять только самое ценное. В раскрытых сундуках лежали груды золотых и серебряных монет, драгоценные камни, но в основном – утварь: кубки, блюда и прочие предметы обихода, выполненные из драгоценных металлов.

Вагр листал найденную среди сокровищ книгу. Харальд перебирал золотые монеты.

– Никогда не видел такой добычи! – восхищался он. – А я уж видел!

Он взял одну из золотых монет и поднес ее к глазам.

– Смотрите кто здесь! – крикнул он остальным. – Сам император Конрад собственной персоной.

По всему берегу валялась женская одежда, которая никому была не нужна. У одного из тюков на корточках сидел Роарг. Он перебирал его содержимое и обнаружил среди прочих вещей небольшой портрет. На нем была изображена девушка с золотистыми волосами. Роаргу она показалась живой. Проведя по портрету пальцем, он даже ощутил тепло, исходящее от ее тела. Глаза девушки настолько завораживали, что он не заметил, как сзади к нему подошел Вагр с книгой подмышкой. Вагр оглянулся по сторонам и, убедившись, что их никто не слышит, спросил:

– Как ты думаешь решать дела с Радомиром? Ведь теперь все на острове будут считать, что после такого подвига ты сам захочешь стать вождем. Ведь нет никаких сомнений, что боги поддерживают тебя.

Некоторое время он ждал ответа, наблюдая за тем, как Роарг рассматривает портрет. Так и не дождавшись, он повысил голос:

– Роарг!

Но Роарг не слышал его.

Вагр не отставал:

– Радомир не смирится с тем, что почти перестал быть вождем.

Роарг, наконец, заметил его. Он неохотно оторвался от портрета:

– Ты не заешь, кто это?

Вагр мельком посмотрел на портрет:

– Альмейда. Та самая, у которой ты украл вено.

– Та самая? О красоте которой все говорят?

– Да. Да. – раздраженно подтвердил Роарг. – Все ее называют не иначе как «Наше Солнышко».

Роарг спрятал портрет за пазуху и пошел к остальным, тем паче, что погрузку уже закончили.

– Ты не ответил мне.

Рогаг остановился:

– О чем?

– О Радомире. О том, кто теперь будет вождем.

– Он мой отец. – На лице Роарга снова появилась безмятежная улыбка, которую Вагр почти ненавидел. – Все! Отплываем.

Воины Роарга в боевом порядке начинают запрыгивать в лодку.

ГЛАВА 8. БЕГСТВО АЛЬМЕЙДЫ

Примерно в то же время, когда Вагр обрушил на головы стражников дождь из лягушек, Альмейда подбивала Агату помочь ей сбежать из замка.

– Как ты не понимаешь?! – горячилась Альмейда. – Завтра утром прибудет выкуп Манфреда, отец его примет, и я окажусь в лапах этого чудовища.

Агата поджала губы:

– На все воля божья, госпожа. Супружество – это долг каждой девушки. Девушка должна быть покорной мужу.

Альмейда злилась, но старалась вести себя с Агатой ласково:

– Агата, ты ведь не служанка мне, ты моя подруга, почти сестра. Неужели ты хочешь мне зла? Неужели ты хочешь, чтобы однажды он убил меня? Или сбросил со стены замка в ров? Или сделал что-нибудь еще похуже?

– Господь с вами, что вы такое говорите?!

– Он ведь и тебя чуть не убил! Ты мне сама рассказывала.

Агата закусила губу, к горлу подкатила тошнота, как только она вспомнила дыхание Манфреда на своем лице и боль, которую причиняли толстые пальцы, сжавшие ее грудь (синяк до сих пор остался!). Но Агата была в отличие от Альмейды девушкой рассудительной и не склонной к душевным порывам. Как и многие люди ее положения, она обладала значительным житейским опытом и хорошо понимала, что ей грозит, когда бегство будет обнаружено. Розги на конюшне – это полбеда. Учитывая финансовое положение Дитмара, скорее всего, ее продадут сарацинскому работорговцу, и остаток жизни она проведет свою жизнь среди неверных, навеки потеряв свою бессмертную душу.

– Нет, госпожа! Даже не просите.

Альмейда не могла скрыть своей досады. Она встала, подошла к окну, но вид центральной площади замка, по которой сновали люди, которые, как ей казалось, были вольны делать все, что захотят, только укрепило ее желание сбежать. Но как это сделать?

– Агата, ты же наверняка знаешь потайные ходы из замка?

Конечно, Агата знала. Именно по этому ходу, который начинался сразу за кухней, она бегала к своему любовнику-мельнику. Но признаваться в этом ей совсем не хотелось.

– Даже если бы знала – не сказала бы!

Агата поняла, что взывать к сочувствию бесполезно и решила сменить тактику.

– Помнишь мой браслет с ящеркой?

Глаза Агаты вспыхнули, как камень, давший ей имя. Браслет был чудом! Ящерка, как живая обвивала запястье и смотрела на хозяйку зелеными изумрудами. У Агаты даже перехватило дыхание. Это было искушение, которому она не могла сопротивляться. Да и какая девушка смогла бы? Агата мгновенно забыла и о розгах на конюшне и о сарацинских работорговцах.

Альмейда достала свою шкатулку с драгоценностями, открыла ее и достала браслет, который призывно сверкнул в лучах солнца. Она надела его на запястье и придирчиво осмотрела.

– Он мне велик, болтается на руке, – она тряхнула рукой. Браслет и впрямь был великоват.

– А тебе будет в самый раз, – продолжала Альмейда искушать Агату. – Я давно хотела тебе его подарить. Негоже хорошей вещи покоится в шкатулке, где никто не сможет насладиться ее красотой.

Здесь она намекала одновременно и на себя, сравнивая замужество с запертой шкатулкой. Но вряд ли Агата поняла намек. Ее взгляд был прикован к браслету.

Альмейда сняла браслет и повертела его в руках. Агата невольно потянулась к нему, но Альмейда быстро спрятала его на место.

– Вот только не знала, за что тебе его подарить. Ведь награда должна даваться за заслуги, а не просто так, как ты считаешь?

Агата не выдержала:

– Хорошо, госпожа! Я покажу... Но только потому, что этот Манфред сущий дьявол! Погибель для христианской души! Но только никто не должен видеть, как я вас вывожу из замка. Кухарки болтливы. Я не хочу, чтобы господин Дитмар продал меня сарацинам.

– И что же нам делать?

– А давайте переоденем вас в мою тетю! – предложила Агата.

– Ты с ума сошла. Твоя тетя – горбатая старуха. Ты считаешь, что я похожа на горбатую старуху? – Альмейда изящно повернулась вокруг своей оси, демонстрируя, что у нее не только нет горба, но и есть много такого, чего нет ни у одной старухи.

– Для начала мы переоденем вас в мое старое платье, в котором я прибыла в замок из родной деревни. Волосы уберем под платье и закроем голову чепцом. Вместо горба подложим подушку. А лицо и руки испачкаем сажей. Я дам вам отрез ткани, за которым вы как будто приходили в замок.

– Здорово! – обрадовалась Альмейда.

Затея ей понравилась и показалась чрезвычайно хитрой. Она уже не сомневалась в успехе.

Заговорщицы отправились в комнату Альмейды и принялись выполнять задуманное. Альмейда не могла сдержать смеха, когда рассматривала свое перепачканное сажей лицо в зеркальце. Она даже прилепила на нос сделанную из хлебного мякиша бородавку, которая была отличительной чертой тетушки служанки. Агата приладила Альмейде на спину горб из старой подушки. Затем помогла надеть ей старое платье крестьянки. Альмейда сторбилась, закричала и проскрипела старческим голосом:

– Агата, дитятко. Я надеюсь, ты не позволяешь мужчинам ничего лишнего?

Агата прыснула со смеху:

– Вы пугаете меня, госпожа. Вылитая тетя!

– Пора! – сказала Альмейда, беря Агату под руку. – Нужно успеть покинуть замок, пока не наступило утро.

В коридоре они не встретили никого, кроме пожилого стражника, который дремал, опершись на алебарду, у двери в покои Дитмара. Они проскользнули мимо него на цыпочках и спустились в кухню по боковой лестнице. На кухне несколько женщин уже собирались готовить завтрак. Они знали тетку Агаты и не обратили внимания на горбатую старуху. Альмейда еле сдерживалась, чтобы не рассмеяться. Пойдя через кухню, они очутились в потайном коридоре, который уперся в маленькую узенькую дверцу. Агата отперла ее, и подруги спустились в подземелье, откуда низкий тоннель вел наружу, за пределы замка. Здесь Агата простилась с Альмейдой и, зажав вожделенный браслет-змею, отправилась в свою комнату, чтобы наутро изобразить святое неведение.

Альмейда же двинулась по подземному ходу навстречу своей судьбе. Чем дальше она удалялась от замка, тем тревожней становилось у нее на душе. Один раз она даже остановилась в нерешительности, размышляя: а не повернуть ли обратно? Но вспомнив лицо Манфреда, когда он обхватил ее своими лапищами, Альмеда отбросила всякие сомнения и снова устремилась вперед. Было темно, хоть глаз выколи. Блудная дочь Дитмара шла на ощупь, держась за стену. Ее пугали шорохи и крысиный писк. Вскоре ход постепенно стал подниматься вверх, и она с облегчением вздохнула, когда ее рука раздвинула траву, а кожа почувствовала ночную прохладу.

Альмейда выбралась наружу и огляделась. Луна освещала окрестности бледным светом, которого было достаточно, чтобы разглядеть лес, темнеющий впереди. Альмейда оглянулась, последний раз (как ей казалось) посмотрела на замок своего отца и быстро зашагала к лесу, вдыхая полной грудью свежий воздух свободы.

До леса она добралась довольно быстро. Альмейда думала, что обретет в тени его деревьев защиту от возможной погони, на самом деле, ветви скрыли луну, и снова стало темно, как в печке. Несколько раз она споткнулась о толстые корни, и быстро поняла, что не понимает в какую сторону идет. В это время недалеко от нее раздался треск и топот тяжелых ног. Альмейда подавила испуганный крик и замерла. Шаги были медленные, будто шел великан. «Может он не заметит меня и пройдет мимо?» – подумала девушка. Но шаги приближались. Самое время было появиться спасителю-рыцарю. Но рыцарь не появился. Вместо него за кустами Альмейда увидела что-то черное и огромное. Сердце пыталось выпрыгнуть из груди. Альмейда не выдержала и бросилась прочь со всех ног. Далеко ей убежать не удалось. Она споткнулась и растянулась в траве. Быстро перевернулась на спину. Чудище склоняло над ней уродливую голову с горящими как угли глазами. Альмейда зажмурилась. Что-то шершавое и холодное коснулось ее щеки. Девушка закричала. Чудовище фыркнуло, а затем раздался топот и треск ломающихся ветвей. Альмейда открыла глаза и увидела, как убегает красавец олень.

Альмейда села и решила подождать утра. С первыми лучами солнца она намеревалась отправиться побережье, а оттуда в ближайшую гавань. Золотое колечко поможет ей добраться до земли пруссов, где жила родня ее матери.

Агата же тем временем кралась по коридору к своей комнате, но остаться не замеченной, ей было не суждено. Дитмар Старый проснулся по нужде, а затем решил подышать свежим воздухом, так как мрачные мысли не давали ему заснуть. В этот момент он и застал Агату. Сначала он подумал, что проказница снова бегала к своему мельнику, но потом заметил знакомый браслет в руках у служанки.

– Где моя дочь?! – грозно гаркнул хозяин Урсмарки. Этого окрика оказалось достаточно, чтобы Агата разрыдалась и выдала все как на духу.

– Ты с ума сошла?! – заорал тот, кого когда-то звали Медведем. – Завтра утром приедет закуп, что я скажу Манфреду?! Стража!

Вскоре в коридор уже сбегались вооруженные люди.

– Седлайте коней и скачите к лесу со стороны подземного хода. Ищите мою дочь. Она не могла далекой уйти. Живее!

Стражники бросились исполнять приказание, а Дитмар вырвал из рук Агаты злополучный браслет. Агата рухнула на колени:

– Простите меня, господин! Простите!

– Моли Бога, что бы Альмейда вернулась в целостности и сохранности. Иначе...

Альмейда дремала, прислонившись к дереву. По ее лицу блуждала улыбка. Ей снилось, что Прекрасный Рыцарь уже мчится ей на помощь. Еще немного и он подхватит ее сильной рукой и усадит рядом с собой в седло, и они умчатся в волшебную страну. Видение было настолько реальным, что она даже различала топот копыт. «Нет, этого не может быть, – подумала она во сне. – Это, наверное, вернулся олень. Правду говорят, что животные покоряются девственницам». Она улыбнулась этой мысли и тут же проснулась, потому что к топоту копыт добавились грубые голоса. Альмейда широко открыла глаза, привыкая к темноте. Где-то совсем рядом переговаривались несколько человек. «Погоня!» – мелькнуло у нее в голове, она вскочила, подхватила подол своего платья и бросилась вглубь леса. И в ту же минуту раздался крик:

– Вот она!

Раздался хруст веток, кто-то выругался. Затем чья-то рука схватила ее за плечо. Альмейда была вынуждена остановиться. Мысли лихорадочно металась в поисках спасения. И тут мелькнуло озарения. Она сгорбилась и зашамкала старческим голосом:

– Убери руку, дьявольское отродье!

Стражник от неожиданности отшатнулся. К нему подбежали еще двое.

– Похоже, не она. Какая-то горбатая ведьма... Слышь ты, ворона бесхвостая, не видела здесь девушку? Это дочь хозяина замка, твоего господина. Нам поручено найти ее и вернуть домой.

Альмейда соображала, что ей выгоднее ответить: видела или не видела?

– Видела, господин. Она побежала в сторону реки.

– Черт! Давайте по коням, перехватим ее у брода. Спасибо, старая, – поблагодарил ее воин и похлопал по спине, там, где находился фальшивый горб. Ладонь нащупала мягкое и замерла.

– А ну-ка, стой! Ты кто такая? – грозно спросил стражник.

– Я... я... – залепетала Альмейда, – тетка Агаты, служанки Нашего Солнышка.

– Врешь! – стражник сдернул с ее головы чепец, схватил волосы и вытащил их из-под платья. Волосы золотым дождем рассыпались по спине Альмейды, с головой выдавая хозяйку.

– Нашли! – заключил стражник, подхватил Альмейду и как пушинку взвалил на плечо. – Возвращаемся.

Дитмар сидел за столом в своих покоях и нервно барабанил пальцами по столешнице. Первые лучи солнца уже проникли в комнату. Наступало утро, приближался час прибытия обоза. А невеста сбежала! Наконец он услышал долгожданные шаги в коридоре, вскочил и распахнул дверь. Двое слуг вели под руки его дочь, которая тщетно пыталась вырваться.

– Господин, мы нашли ее.

Щеки Альмейды пылали:

– Я все равно убегу! Я никогда не буду его женой. Никогда!

Дитмар кивнул слугам:

– Отпустите ее и встаньте снаружи у двери.

Слуги отпустили Альмейду и вышли. Альмейда глядела на отца, полными слез глазами.

Дитмар сделал к ней неуверенный шаг:

– Прости меня!

Альмейда немедленно отступила назад.

– Ты продал меня как лошадь!

Дитмар тяжело вздохнул, а за тем подошел к окну. Подставил лицо нежным утренним лучам. В горле скопилась горечь и желчь.

– У меня не было выбора. Мы нищие. Дитмар Медведь – нищий!

– Ты не мог найти кого-нибудь другого?

– Во-первых, он любимец императора, знатный человек. Во-вторых, он предложил столько, что никто бы не устоял. У тебя нет приданного. Дочка в этой жизни мы делаем то, что нужно, а не то, что хочется. Это называется долг.

Альмейда смотрела на отца и видела, что его плечи вздрагивают от беззвучных рыданий. Гнев на ее лице сменился состраданием. Она осторожно подошла к нему, прикоснулась к плечу. Он обернулся и обнял ее.

– Никто нам не поможет. Даже Бог, – пробормотал Дитмар.

Так они стояли, обнявшись, несколько мгновений, пока в дверь не начали настойчиво и громко стучать. Альмейда отпустила отца. Дитмар замер в ожидании.

– Входите.

Дверь открылась. На пороге появился запыленный, частично в засохшей крови один из копейщиков, охранявших караван. Он был взволнован и едва держался на ногах

– Сир Дитмар! Случилось ужасное злодеяние! Караван со свадебным выкупом для госпожи Альмейды ограблен.

Альмейда и Дитмар переглянулись. Такого поворота не ожидал никто. Дитмар не верил своим ушам:

– Ограблен? Что ты такое говоришь? Манфред нанял большую охрану...

– Кто это сделал? – спросила Альмейда.

– Пират с острова Руя – Роарг, – ответил копейщик.

«Роарг!» – это имя молнией вспыхнуло в мозгу Альмейды. Это о нем рассказывала ей Агата.

– Его люди перебили почти всю охрану, – продолжал копейщик, – удалось уйти лишь немногим. Клянусь, это самый свирепый разбойник, которых когда-либо видело небо.

Альмейда поспешно отвернулась и подошла к окну, скрывая улыбку.

– Я знала... – прошептала она.

Внезапно радость захлестнула ее, она была уже не в силах сдерживаться:

– Его послал мне Господь Всемогуший! Нет выкупа – нет свадьбы! Роарг... Да благословит его Бог!

Копейщик посмотрел на нее с испугом:

– Что вы такое говорите, госпожа... Он перебил всех наших людей. И ему помогал сам дьявол. На нас напали призраки в лесу, которые бились на стороне разбойника.

– Не дьявол, а Бог! – упрямо вскинула брови Альмейда.

Дитмар посмотрел на нее с осуждением:

– Не богохульствуй, дочь.

Копейщик поклонился Дитмару:

– Я должен идти, господин. Мне нужно еще сообщить печальную новость сиру Манфреду. Я боюсь даже подумать о том, что он со мной сделает.

Копейщик вышел из комнаты, а Альмейда бросилась к отцу на шею. Дитмар ее радости не разделял. «Что-то теперь будет?» – уныло подумал он.

ГЛАВА 9. ГНЕВ РАДОМИРА

Радомир стоял на берегу в той же самой неприметной бухте, где когда-то обнаружил люльку с младенцем, и ждал возвращения Роарга. По его расчетам он должен был уже появиться. Его терзали противоречивые чувства. Рано утром прибыл когг с командой, которая ездила в Мекленбург, чтобы совершить торговый обмен. Радомир узнал, что весть о дерзком набеге руян на свадебный караван Манфреда разнеслась уже по всему Поморью, и все об этом только и говорили. В глубине души Радомир надеялся, что затея Роарга закончится неудачей. Но теперь дело предпринимало серьезный оборот. Вождю руян было хорошо известно, что император Конрад не трогает бодричей до поры до времени. Борьба с пиратами и разбойниками, конечно, велась, но не являлась полномасштабным вторжением. Не снаряжались сотни кораблей, не созывались знамена со всей Германии, не вербовались наемники, города не заключались в осаду, селения не выжигались дотла. Но напряжение между христианским и языческим миром нарастало. Вольница бодричей, лютичей, вагров была для императорской власти, как бельмо на глазу. Язычники охотно принимали беглых рабов и тех, кто скрывался от правосудия, а также еретиков и схизматиков. Они были примером того, что императорская власть не всемогуща и имеет границы. Пострадавший от Роарга Манфред был любимцем императора, и Радомир боялся, что набег Роарга послужит поводом для большой войны. Маленький остров вряд ли выдержит всю мощь священной империи. Даже если союзные славянские племена поднимутся на германцев в тылу, победа виделась труднодостижимой. Роарг, не понимая этого, действовал в личных интересах в ущерб общим.

Рядом с Радомиром стояли его старые боевые товарищи Вратислав и Мечидраг, воины, покрытые шрамами и убитые сединами. Они давно предлагали Радомиру отправить Роарга в какой-нибудь дальний поход, в Новгород, для укрепления давних связей для того, чтобы представлять интересы поморян в вольной республике. Но Радомир все никак не мог на это решиться. Вратислав и Мечидраг были уверены, что Радомир просто старел, теряя решительность и уверенность в себе.

Так же на берег пришла и Радмила. И пришла совсем с другими чувствами. Она радовалась тому, что, возможно, сегодня, ее драгоценный Роарг займет подобающее ему место – станет вождем руян, а, значит, и всего Поморья. Он сменит ставшего слабым Радомира, объединит, наконец, всех славян и пруссов и покончит с владычеством Конрада, вернув поморянам былое величие.

В общем, несмотря на то что в этот раз шторма не было, в воздухе сверкали невидимые молнии и грохотали неслышимые раскаты грома. На Рую грозила обрушиться человеческая буря: молодое поколение должно неизбежно столкнуться со старым. Приведёт это к гибели острова или к новому расцвету, решали боги.

Когда лодка Роарга появилась на горизонте, Радмила торжествующе улыбнулась. Радомир, напротив, еще больше насупился. Вскоре они уже слышали команды рулевого, который регулировал темп гребцов. Лодка стремительно приближалась к берегу:

– Суши весла, – командовал Роарг.

Гребцы подняли весла, с которых закапала тяжелая балтийская вода.

– Табань левым бортом!

Лодка аккуратно причалила к берегу. Воины стали выскакивать на берег, оставшиеся на борту подавали сундуки, ящики и тюки. Роарг спрыгнул прямо в воду и пошел, улыбаясь, к Радомиру.

– Где купец? Нужно его обрадовать: он выкупил свою жизнь.

– Купец мертв.

Роарг изменился в лице:

– Я дал ему слово! Он выполнил свою часть договора, я свою. По какому праву ты вмешался?

– Я не мог допустить, чтобы купец вернулся на побережье, и рассказал, кто знал о караване. А теперь, грузите все обратно!

Все в недоумении замерли. Харальд, Вольта, Безымянный, Чардаг прекратили разгрузку и посмотрели на Роарга: «Может быть это шутка?»

– Отец, что с тобой? – спросил Роарг, все еще надеясь, что приказу Радомира есть какое-то разумное объяснение. – Что-то случилось?

Радомир был непреклонен:

– Увозите все обратно в Урсмарку. Все нужно вернуть Дитмару Старому.

– Черта с два! – заорал Харальд и положил ладони на оба своих топора.

– Ты знаешь, что нам пришлось пережить, чтобы захватить эту добычу? – вторил ему Безымянный.

– Это не первая и не последняя ваша добыча. Будут и другие караваны.

– Чего ты боишься, отец? – напрямик спросил Роарг. Его глаза стали холодными как лед в январе.

Радмила подошла ближе. Это был момент истины. Признается Радомир, что боится рыцарей Конрада или нет. Вратислав и Мечидраг встали по обе стороны от вождя.

– Брось, Радомир! Лучше пойдем и выпьем за Роарга и его удачу, примирительно предложил Вольта.

Радомир обвел всех тяжелым взглядом:

– Когда сюда за этим сокровищем явится Манфред из Кобурга... Когда вместе с ним сюда явятся рыцари императора Конрада... Когда они превратят это место – наш дом – в пепел и прах... За кого вы будете пить тогда?

– Мы вдесятером одолели пятьдесят человек, одолеем и Конрада! – заносчиво возразил Харальд, но остальные молчали.

Рыцари империи были серьезной силой. Один, закованный в броню, рыцарь стоил десятка, а то и сотни. Неуязвимый для стрел и копий всадник, которого невозможно остановить. Железное чудовище, карающий ангел. Некоторым из отряда Роарга доводилось видеть, как атакует рыцарская конница. Стальная гора, движущаяся с огромной скоростью, сметала все на своем пути. Тех, кто сумел уклониться от копья, топтали огромные кони. Рыцари были свирепы и сильны. И они не ведали жалости. Частенько они не щадили ни женщин, ни детей. Всех, кроме себя, они считали дикарями, не достойными милосердия. Честно говоря, никто не жаждал оказаться с ними в бою лицом к лицу. Этих воинов обучали военному искусству с детства. Часто держать меч они начинали раньше, чем говорить. Война была их работой, как орать землю у пахаря, или ковать подковы у кузнеца, молоть муку у мельника. Напугать их было нельзя, обмануть трудно, так как военные хитрости тоже входили в программу обучения. Это был слишком серьезный противник, чтобы относиться к нему легкомысленно.

– Значит, ты боишься рыцарей Конрада, – подвел итог Роарг.

– Ты хочешь уличить меня в трусости перед лицом моих товарищей. Хочешь унижить меня. Но каждый из вас видел меня в бою, и знает, что я не трус. Это всего лишь благоразумие.

– В чем здесь благоразумие?! – взорвался, остававшийся до этого момента спокойным, Роарг. – Рано или поздно они все равно придут. Ты хочешь, чтобы мы жили, как они хотят, потому что иначе они всех убьют? Но они все равно придут. Если не будет предложения, они придумают предлог. Единственное, что их может остановить – страх.

– Я беспокоюсь о нашем острове. О людях, которые на нем живут. Я не хочу, чтобы мы все погибли.

Роарг покачал головой, улыбнулся, но грустной улыбкой, затем обернулся к товарищам.

– Нет. Нет! В этом-то все и дело. Ты хочешь, чтобы мы жили как удобно им, а не как хотим мы. Мы – это наши поступки. А не тела! Мы умрем, и тела сгниют. А поступки останутся! Если мы не будем жить, как хотим, то мы перестанем быть. Это хуже смерти! Ты хочешь превратить нас в живых мертвецов.

Радомир стоял как громом пораженный. Он не ожидал от Роарга таких слов, таких мыслей. Перед ним стоял человек, который точно знал, для чего он живет.

Речь Роарг воодушевила его друзей. Харальд заорал, выражая общее мнение:

– Да! Лучше умереть, чем подчиниться воле Конрада!

– Говори за себя! – оборвал его Радомир. – Грузите все обратно.

– И не подумаем! – Безымянный обнажил клинок.

– Мы подчиняемся только Роаргу! – подвел черту Вольта.

Это уже был бунт. Случилось то, что Радомир ждал уже давно. Появился новый молодой удачливый воин, и вокруг него стали собираться отчаянные удалыцы, которые жаждали славы. И вот они стоят перед ним и открыто заявляют, что над ними больше нет его власти. Радомир еще надеялся спасти положение. Он лихорадочно подыскивал нужные слова, но в это время вперед выступил огромный Чардраг:

– Радомир, если бремя вождя стало для тебя слишком тяжелым, пришла пора уступить.

Больше медлить было нельзя. Радомир выхватил меч. Вратислав и Мечдраг сделали тоже самое.

– Сейчас ты умрешь, – пообещал Радомир Чардрагу и взмахнул мечом. Чардраг отскочил, споткнулся о крупную гальку и упал на спину. Не теряя ни мгновения Радомир ударил, но его меч был отброшен в сторону быстрым клинком Безымянного. Вратислав и Мечдраг ринулись в бой. Засверкала сталь, раздался звон мечей. Роарг растерялся, он не знал, что ему предпринять. Тем временем, Чардраг достал свой меч, поднялся и нанес несколько страшных ударов, выбив оружие из рук Вратислава и Мечдрага. Радомир оказался в кольце. Он прикрыл глаза, вознес молитву Святовиту, предупреждая о своем скором приходе, и приготовился принять смертельный удар. Вольта направил в его грудь арбалет. Радмила вступила в круг к Радомиру и воздела руки к небу:

– Радомир! Отрекись от власти в пользу своего сына! Разве ты не видишь, что такова воля богов?

– Никогда!

– Но почему? – искренне удивилась Радмила. – Неужели ты не понимаешь, что твое время прошло? Грядут страшные времена, нам нужен более сильный вождь. Прояви мудрость и смирись!

– Вам придется убить меня! – Радомир нашел взглядом Роарг. – Я хочу, чтобы это сделал ты! – он ткнул мечом в сына. – Убей меня в честном поединке! Бой покажет, на чьей стороне боги.

Роарг вытащил меч из ножен. Воины расступились, освобождая ему дорогу. Но Роарг стоял, не двигаясь. Радомир поворачивал мечом и принял оборонительную стойку. Сердце Вагра сжалось в дурном предчувствии. Отцеубийство не лучшее начало правления. А грядущее требовало вождя, за которым остальные идут без тени сомнения.

Радомир ждал. Он сощурил глаза, сузив боковое зрение, чтобы посторонние предметы и движения не мешали сконцентрироваться на том, что делает противник. Радомир был опытным бойцом и надеялся. Что Роарг в силу своей молодости знает не все приемы и уловки, которые Радомир накопил за свою долгую жизнь.

Роарг посмотрел на своих друзей, затем на отца, а потом отшвырнул меч далеко в сторону.

– Отец! Я никогда не подниму на тебя руку. Сейчас не время для ссоры. Скорее всего, ты прав, и Манфред захочет отомстить. А вот насчет Конрада я не уверен. У него большие проблемы в Чехии. И сначала он отправится туда.

И снова Роарг удивил Радомира. Он-то считал его легкомысленным юнцом, который думает только о драке, пирушках и славе удалца. Откуда он знает про Чехию? Радомир перевел взгляд на Вагра. Ну, конечно! Вот, кто ему все рассказывает. Может быть, именно Вагр и внушил ему мысль о том, что пора поменять вождя. Тем временем, Роарг продолжал:

– Рыцари Манфреда опасны на открытом пространстве, но в море их доспехи, их умения бесполезны. А в море ему выйти придется. Ведь мы на острове!

Все дружно засмеялись.

– Если Манфред задумает отомстить, мы встретим его в море и утопим! Железные доспехи не лучшая одежда для плавания!

И опять все засмеялись. Напряжения спало. Веселились даже Вратислав и Мечидраг. Радомир поймал себя на том, что и он невольно улыбается.

Роарг подобрал меч и указал им на сундуки:

– Половина добычи твоя, отец, как и положено по древнему обычаю. Все согласны?

Воины, обрадованные тем, что не пришлось проливать кровь своих соплеменников, подтвердили слова Роарга громкими криками. Радмила смотрела на предмет своего обожания с нескрываемым восхищением. Роарг решил конфликт мягко и так, что никто не пострадал, когда он станет вождем, Поморье ждут великие времена.

– И еще! – снова обратился к Радомиру Роарг. – Свою часть добычи я отдаю на общее дело. Если Манфред придет, мы должны быть готовы. Это золото пойдет на новое оружие и на укрепление детинца. Но более всего, нам понадобятся корабли для сражения на море. Не пиратские легкие драккары, а настоящие боевые суда: быстроходные и с таранами.

– Святовит- свидетель, Роарг, – ты прирожденный вождь, – воскликнул Харальд. – Я тоже отдаю свою часть добычи.

Вскоре все объявили, что отказываются от своей доли в пользу острова Руя. Радомир ликовал. Еще недавно он намеревался сойтись с собственным сыном в смертельной схватке, а теперь обожал его. Сын проявил мудрость не свойственную его летам. Когда-нибудь он станет хорошим вождем. Но не сейчас. А от мысли, что всем сокровищем будет распоряжаться он лично, Радомир и вовсе хотел пуститься в пляс.

– Несите добычу в замок! – распорядился он. – Завтра же пошлю людей к корабельным мастерам. Нам понадобятся лучшие корабли.

Радмила подошла к Роаргу:

– Я волновалась за тебя.

– Напрасно, – улыбнулся Роарг, – ты же знаешь, что я под покровом Святовита.

– Не сглазь удачу, Роарг. Чернобог не дремлет.

Как бы в подтверждении ее слов на небе стали собираться тучи.

– Пошевеливайтесь! Шторм надвигается.

ГЛАВА 10. КЛЯТВА МАНФРЕДА

В соборе Мекленбурга шла воскресная проповедь. Епископ Альбрехт в очередной раз обрушился на язычников. Это было прямое указание святейшего папы. В курии готовили сюзеренов Европы к крестовому походу против язычников Балтии и против городов русов. Проповеди во всех церквях должны были зажечь сердца правоверных католиков и наполнить души праведным гневом. Сегодня епископ отступил от обычного порядка, когда бралась цитата из Евангелия и разъяснялась на примерах из теперешней жизни. Альбрехт решил обратиться к истории. Связано это было с тем, что император Конрад дал личное указание подвести историческое обоснование под будущее завоевание. Не должно было остаться никаких сомнений, что войска Конрада восстанавливают историческую справедливость и несут завоеванным народам просвещение и спасение души.

Собор был забит до отказа. Епископ немного волновался, потому что от успеха его проповеди зависело расположение главного жертвователя в государстве – самого императора Конрада. Тем более, что он и сам находился здесь. Одно его присутствие превращало обычную проповедь в послание всем верующим империи.

– Друзья мои, сегодня я расскажу вам историю из нашего великого прошлого. Некоторые из вас спросят: нужно ли обращаться к истории? Не следует ли жить настоящим? Ведь именно в настоящем прорастают зерна будущего. Но ведь и прошлое когда-то было настоящим. И те всходы, которые мы пожинаем сегодня, были посеяны в прошлом. Дошедшее до нас предание рассказывает, что во времена сына Карла Великого Людовика II из Корвейи вышли известные своей святостью монахи. Они отправились в земли славян ради проповеди слова божьего, чтобы спасти души несчастных язычников. Пройдя много славянских земель, они пришли к тем, которые называются ранами, или руянами, и живут в сердце моря. Там, как и по сей день, находился очаг заблуждений и гнездо идолопоклонства. Проповедуя там со всей смелостью слово божье, они приобрели для христианства весь этот остров и даже заложили на нем храм в честь господина и спасителя нашего Иисуса Христа и в память святого Вита, покровителя Корвейи. Им удалось склонить жителей Руи к истинной вере. Потом же по попущению божьему дела изменились, и раны отпали от веры и тотчас же, изгнав священников и христиан, сменили веру на суеверие. Но до сих пор святого Витта, которого мы признаем мучеником и слугой Христовым, они почитают за бога, творение ставя выше творца. И не найти под небесами другого такого варварства, которое ужасало бы священников и христиан больше нежели это. Они гордятся одним только именем святого Витта, которому посвятили величайшей пышности храм и идола, ему именно приписывая первенство между богами. Сюда обращаются из всех славянских земель за ответами и ежегодно доставляют средства для жертвоприношений. Купцам же, которые случайно пристанут к их местам, всякая возможность продавать или покупать предоставляется не раньше, чем они пожертвуют богу их что-либо ценное из своих товаров, и тогда только товары выставляются на рынок. Жреца своего они почитают не меньше, чем короля. Так святой Витт в их варварских умах превратился в языческого бога Святовита.

По толпе прошел ропот. Как можно было превратить святого мученика в деревянного идола?! Воистину эти варвары не ведают, что творят. Альбрехт сдержал торжествующую улыбку. Он почувствовал, что полностью завладел вниманием верующих. Нужно ковать железо пока горячо. Он возвысил голос и добавил в него гнева:

– Я обращаюсь к сильным мира сего, к защитникам веры! Когда заблудшие руяне будут возвращены в лоно церкви? Ведь каждый день души невинных людей отправляются в геенну огненную, потому что лишены святого причастия и покаяния. Я взываю к вашему милосердию и призываю вас взять в руки меч! И этим мечом смести все преграды, которые мешают спа-

сению руянов. Верните заблудших овец в хлев. Не оставляйте их на растерзание языческим богам, которые суть слуги сатаны. Сколько еще вы будете медлить?!

Взоры всех присутствующих обратились на императора Конрада. Он смотрел прямо, мимо епископа на изображение Спасителя на витраже. Солнечные лучи, преломляясь сквозь стекло, образовывали вокруг его головы сияние.

Все ждали, слова императора. И в этот момент двери в собор с треском распахнулись. Головы поворотились от алтаря к выходу.

В собор широким шагом вошел Манфред. Его взгляд был полон решимости. Манфред был облачен в доспехи. На боку висел меч. Это было странным. Войти с оружием в церковь? Люди застыли в ожидании. Не обращая внимания на поспешно расступающихся перед ним людей, Манфред направился напрямик к епископу.

Епископ не мог скрыть изумления. Он не знал, что сказать: обрушиться на невежу с обвинениями в святотатстве или подождать? Альберт посмотрел на императора, ожидая подсказки, но лицо Конрада оставалось непроницаемым.

– Святой отец, – обратился рыцарь к епископу, – я хотел бы дать священный обет, – на мгновение он обернулся к остальным, – в присутствии этих благородных мужей.

На этот раз император Конрад едва заметно кивнул епископу.

– Ты можешь сделать это. Но хорошо ли ты обдумал последствия?

– Последствия меня не страшат.

Епископ важно кивнул:

– Тогда приступай.

Манфред со звоном обнажил меч. Толпа ахнула. Голос Манфреда отразился от стен и сводов в наступившей тишине.

– Перед лицом Господа нашего Иисуса Христа, в присутствии императора Священной Римской империи Конрада Великого и герцогов Адальберта, Альбрехта и Оттона на этом мече и своей кровью...

Манфред тряхнул левой рукой, сбросил перчатку и закатал рукав камзола, а затем провел лезвием по предплечью, из пореза брызнула кровь, но Манфред даже не поморщился, явно не чувствуя боли. Кровь закапала на пол, и толпа снова ахнула.

А Манфред продолжил:

– ... клянусь, что не будет мне покоя, пока я не отправлю в ад черную душу разбойника Роарга и всех, кого найду на острове Руя. Пока не изрублю их тела на куски и не скормлю собакам.

Манфред опустился перед Епископом на колени, опираясь на меч, который держал перед собой острием вниз. По мечу все еще текла струйка крови.

– Принимаешь ли ты мой обет, святой отец?

Епископ осенил Манфреда крестом, а затем обратился ко всем собравшимся:

– И сказал Иисус: «Не думайте, что я пришел принести мир на землю, не мир пришел я принести, но меч!» Благословляю тебя, сын мой. Ступай и порази язычников!

Толпа разразилась приветственными криками. Но Манфред, казалось, ничего не слышал и никого не видел, погруженный в свои черные мысли. Он заставил себя прийти сюда и дать обет на глазах у всех тех, он был уверен в этом, кто смеется над ним за его спиной, рассказывая, как Роарг увел у него из-под носа свадебный выкуп. Этим он взращивал в себе ярость, пестовал ее, раздувал пламя гнева, давал ему сожрать себя изнутри, чтобы превратиться в огромный пылающий костер.

Манфред поднялся с колен и вложил меч в ножны. К нему подошел император. Он обнял его за плечи:

– Я помогу тебе, дуг мой. Возьмешь людей, сколько посчитаешь нужным.

Манфред посмотрел на императора, как будто увидел его только что. Он часто заморгал, стараясь понять, где он находится и с кем говорит. Такое бывало с Манфредом, когда он терял власть над собой.

– Нет! – твердо ответил он.

Император вскинул брови:

– Ты отказываешь от моей помощи?!

По толпе прошел осуждающий ропот.

– Для меня большая честь уже одно то, что помощь предложена. Это утроит мои силы. Но помощь мне не нужна. Я должен лично расправиться с разбойником.

Императору эти слова не понравились. Честно говоря, помощь он предполагал предоставить символическую, но дело тут было не только в отказе.

– Надеюсь, друг мой, тобой движет не личная месть, не желание поквитаться с обидчиком, а стремление направить язычников на путь истинный, а тех, кто откажется идти по истинному пути отправить туда, где им самое место – в ад.

Манфред огляделся по сторонам, увидел лица людей, которые еще были под впечатлением проповеди, и, наконец, понял, что тут происходит. Все приняли его обет, как естественное продолжение проповеди, а епископ должно быть опять обрушился на язычников.

– Да-да, конечно, – успокоил он Конрада. – Просто Роарг является сыном Радомира – вождя и жреца поганого идола. Он и его отец и смущают умы руян, заставляя их поклоняться деревянному кумиру. Я покрещу их мечом. На острове Руя снова будет стоять храм Святому Витту.

– Это хорошо... – пробормотал Конрад с сомнением глядя на Манфреда. – А то я уже подумал, что тебя охватили нечестивые мысли. Наша цель – не месть, а спасение, как верно сказал в своей проповеди святой отец.

Конрад благосклонно взглянул на епископа.

– Месть?! – возмутился Манфред, принимая игру. – О какой мести может идти речь? Я – благородный человек, а Роарг – разбойник. Мои предки служили Карлу Великому, а Роарг по происхождению – собака. Месть ему унижительна. Просто... Я хочу отпустить ему грехи. Навсегда.

Конрад улыбнулся. «Чуть было все не испортил», – подумал он.

Манфред был другом его юности. Они вместе охотились, бегали за девками, участвовали в турнирах, воевали. Их многое связывало. Но теперь Конрад – император, а Манфред так и остался рыцарем. Конрад должен думать обо всей империи, а Манфред думает лишь о личной мести. Пусть думает, его не исправишь. Но нужно направить ярость Манфреда в правильном направлении. Остров Руя будет только началом. В планах императора был захват всего побережья руян. Остров Рруя занимал очень выгодное положение. Он стоял на самом удобном морском торговом пути. Мимо него везли меха, пеньку, янтарь, мимо него шли товары из Византии и Арабии. Эти неразумные руяне совсем не использовали выгод своего положения. Купцы не платили регулярных пошлин, ограничиваясь лишь подношениями Святовиту время от времени. Руяне, конечно, занимались пиратством, но грабили в основном тех, кто с ними воевал. Остальные делали что хотели. Глупцы! Когда он возьмет власть над островом, он наведет порядок на всем Поморье. Все суда будут платить сборы. И величина этих сборов будет зависеть только от него. Вся торговля будет в руках империи, она упрочит свою мощь, и вот тогда все язычники обретут истинную веру, потому что вынуждены будут склониться перед этой мощью.

– И все-таки ты подумай, Манфред, – снова обратился к другу юности император, – хватит ли тебе сил, чтобы захватить остров? Я слышал эти руяне отважные воины.

Манфред презрительно усмехнулся:

– Разбойники! Разбойники, а не воины. Напасть из засады это все, что они могут. Они понятия не имеют о том, как нужно вести настоящую войну.

– У тебя достаточно людей?

Манфред огляделся по сторонам:

– Кто хочет присоединиться ко мне?

Ему ответило множество голосов. В основном это были мелкопоместные дворяне. Герцоги и графы подчинялись только Конраду и не могли принимать решения без его дозволения, а Конрад готовил большой поход в Чехию.

– Вот видишь, людей мне хватит. Клянусь, когда я высажусь на острове, руяне разбегутся как зайцы.

– Если высадишься. – Конрад был уверен, что таких, как Манфред, нужно время от времени ставить на место.

– Что ты хочешь этим сказать? – Удивился Манфред.

– Они сильны на море и попытаются тебя перехватить на воде.

– Об этом не беспокойся. Я упаду на их головы, как снег в июле.

Конрад рассмеялся и похлопал товарища по плечу.

– Мне нравится твоя уверенность. Но все же – будь осторожен.

Конрад направился к выходу, но затем остановился и обернулся к Манфреду:

– Не подведи меня.

Манфред не заметил скрытой в последних словах угрозы. Ему еще не приходилось испытывать на себе гнев императора. Он не знал, что Конрад не способен простить даже самой небольшой ошибки. Он никогда и никому не давал второй попытки. Манфред был уверен, что любовь к нему императора вечна.

Епископ Альберт остался доволен проповедью. И дело было не в том, что он укрепил благосклонность императора к его церкви. Он надеялся, что в случае успешного похода против руян, владения мекленбургского епископата значительно увеличатся за счет острова Руя, а, значит, увеличатся и доходы. Кроме того, он надеялся, что его слава, как непримиримого, борца с язычеством, дополнится и обращением дикарей в истинную веру. Тогда его заметят в Риме и наверняка приблизят к святому престолу. А там недалеко и до кардинальской шапки. А там... Епископ сладко улыбнулся, но тут же спохватился, и снова принял серьезный вид. Он смотрел на расходившихся горожан и представлял себя в святом городе, на площади перед собором святого Петра.

ЧАСТЬ II. ПОХИЩЕНИЕ НЕВЕСТЫ

ГЛАВА 1. ПОРТРЕТ

Пиршественный зал, который мы видели во время празднования окончания уборки урожая, теперь превратился в зал военного совета. Совет возглавлял Радомир. Рядом с ним сидели Вагр, Харальд и еще несколько человек, которые в обсуждении участия не принимали, они были должны донести решения до остальных и обеспечить их неукоснительное выполнение. После того, как весть о священном обете Манфреда разнеслась по всему Поморью, Радомир начал готовиться к грядущему вторжению всерьез. Часть добычи, которую люди Роарга привезли на остров после успешного нападения на свадебный караван, была потрачена на оборону Руи. Было закуплено новое оружие, а также отремонтирован детинец, который находился не в лучшем состоянии, так как раньше никто и подумать не мог, что кто-то решится его штурмовать. Все славянские племена испытывали к этому месту почтение, а враги испытывали ужас при одном упоминании разбойничьего острова. С материка были приглашены лучшие каменотесы и привезен строительный материал. Старые, раскрошившиеся камни были вынуты и заменены новыми. Теперь обсуждались слабые места обороны, которые следовало усилить.

– Манфред подплывет к острову с западной стороны, – рассуждал Вагр, – это единственное удобное место для высадки. Здесь нужно поставить укрепления. Возможно, возвести стену. Или поставить дозорную башню.

Несдержанный Харальд ударил кулаком по столу:

– Мы просто не дадим им сойти с кораблей!

Радомир покачал головой:

– Рыцари Манфреда привыкли брать любые укрепления. И они умеют сражаться сходу. Но рыцарь не может сражаться, пока он на борту корабля. Их нужно встретить в открытом море. Как и предлагал Роарг.

Вагр с сомнением посмотрел на вождя:

– Но как мы узнаем, когда именно и где они поплывут. Мы выйдем в море и оставим остров без защиты.

– Верно! Нам просто некуда будет возвращаться, – согласился Харальд.

Это был тупик.

– В этом и вопрос, – подвел итог Вагр, – выходить в море или остаться на острове и превратить его в неприступную крепость?

– А где Роарг? – спросил Радомир. – Он же знал о Совете.

При упоминании имени Роарга большинство отвело глаза.

На вопрос ответил Харальд:

– Он заколдован.

Радомир с удивлением посмотрел на Харальда, уж не шутит ли он. Время для шуток было неподходящее. С другой стороны его сын, не смотря на полное пренебрежение к правилам, не мог пропустить военный совет, так как эти заседания он любил и всегда принимал в них самое активное участие.

– Я не ослышался, ты сказал «заколдован»? – спросил Радомир. – Если он заколдован, в чем я сомневаюсь, может Радмила нам поможет? Почему ты заговорил о колдовстве?

– Он влюбился в девуку на портрете. Теперь это не тот Роарг, имя которого наводило ужас на все побережье. Теперь он слабее птенца, – пояснил Харальд.

– На портрете? То есть она даже не настоящая? – удивился Радомир.

– Нет, – возразил Вагр, – она настоящая. Это Альмейда, невеста Манфреда. Роарг лично ее не видел, только на портрете, который мы нашли, когда ограбили караван.

– Посмотрел на портрет и влюбился? – недоумевал Радомир. – Тогда это точно колдовство.

Он почесал подбородок и нахмурился:

– Что ему, девок что ли мало?

«А может оно и к лучшему, – подумал Радомир, – теперь все стало на свои места. Всем понятно, кто настоящий вождь».

Вагр исподволь наблюдал за Радомиром и прекрасно понимал, что самоустранение Роарга в столь важный для острова момент только на руку вождю. Вряд ли после такого Роарг всерьез сможет претендовать на власть.

А Радомир расправил плечи, окинул членов совета проницательным взглядом, и все поняли, что перед ними умудренный опытом седовласый вождь.

– Обойдемся без Роарга, – подвел черту Радомир. – Так или иначе, битвы нам не избежать. Вагр, Харальд передайте всем. С сегодняшнего дня ни капли вина. Все свободные воины должны готовиться к бою день и ночь. И приведите в порядок оружие.

Все члены совета поднялись и отправились исполнять приказание.

Все кроме Вагра. Вагр поспешил к своему другу. Нельзя допустить, чтобы Радомир единолично возглавил оборону острова. Если Роарг проявит слабость ему никогда не стать вождем руян. Вольный народ острова хорошо подмечал такие вещи: вождь должен заботиться обо всех, а не только о себе. А если Роарг не станет вождем, то Вагру будет значительно труднее воплотить в жизнь свои грандиозные планы по переустройству известного ему мира.

Вагр стремительно сбежал по тропинки в маленькую бухту, где когда-то Радомир обнаружил Роарга еще младенцем.

На прибрежных волнах покачивалась, привязанная к колышку на берегу, лодка. Роарг лежал на дне лодки. Он смотрел в небо. На груди у него – портрет Альмейды. Роарг всматривался в облака. Ему казалось, что в них скрыта тайна будущего. Что в этом неторопливом движении отражаются все движения на земле. Нужно только суметь разгадать послание. Еще немного и ему это удастся. Но в этот момент на него легла чья-то тень. Роарг недовольно поднял голову и увидел Вагра.

– Это всего лишь портрет для женихов, – сказал Вагр, который стоял по колено в воде и держался за борт лодки. – А на самом деле она может быть страшнее болотной ведьмы.

Роарг ничего не ответил. Он выпрыгнул из лодки и пошел к берегу. Вагр поспешил следом. Роарг начал отвязывать лодку.

Вагр встревожился:

– Что ты задумал?

– Я поеду и посмотрю на нее.

– Что?

– Ты же сам сказал, что портрет может быть не похожим на нее. Вот я и проверю. Если она не стоит того, я вернусь и забуду ее.

Вагр схватил его за руку:

– Ты сошел с ума. Я не пушу тебя!

– Почему? – искренне удивился Роарг.

– Она живет в замке отца, там полно охраны. Многие тебя видели и могут узнать. Тебя схватят и казнят!

Роарг на мгновение задумался, а потом в его глазах мелькнуло хорошо знакомое Вагру упрямство:

– Я должен ее увидеть!

Вагр не отступал:

– Я слышал, что иногда такие портреты покрывают специальным составом, чтобы навести на жениха приворотные чары. Уверен, что и Манфред стал жертвой этих чар. Вспомни, он единственный, кто согласился взять Альмейду без приданного.

Роарг задумался. Он не терпеть не мог любой формы подчинения, ну, а уж обман с помощью колдовства...

– Чары? Специальный состав? Сдается мне Вагр, что ты хочешь меня обмануть. Друг называется...

– Клянусь, Роарг! – Вагр для пущей убедительности стукнул себя кулаком в грудь. – Давай сходим к Радмиле, и она снимет приворот. Ты сможешь посмотреть на все незамутненным разумом и тогда примешь решение.

– Нет никаких приворотных чар, – Роарг начинал раздражаться.

– Есть! – горячился Вагр. – Ты сам об этом знаешь, просто забыл.

Роарг оторопел. Вагр не верил ни в какие привороты и отвороты, но он не хотел, чтобы перед вторжением остров потерял своего лучшего бойца и полководца.

– Напомни.

– Хорошо. Ты знаешь Ярослава Рыбаря?

– Прокаженный?

– Да. Так вот, когда его выслали на остров прокаженных, его жена отправилась вслед за ним. Ты помнишь его жену Ладу?

Роарг помнил. Да и трудно было не запомнить Ладу. Она была настоящей красавицей: высокой, статной с длинной русой косой, черными как смоль бровями. Многие мужчины к ней сватались, но она выбрала простого рыбака Ярослава. А потом он заболел проказой. Норманны считали таких людей отмеченными богом. Роарг сомневался в этом: странно бог решил отметить человека, заставив его гнить заживо.

– Конечно. Я помню Ладу. Мы с тобой вдвоем бегали подсматривать, как она купается.

Роарг улыбнулся. Вагр на улыбку не ответил.

– Ярослав ее приворожил. По-другому и быть не может! Она же поехала за ним на маленький островок. С прокаженным!

– Да. Похоже на то... Говорят, у него отвалилось там все...

– Ну, что, пойдем к Радмиле?

Роарг завязал веревку, удерживающую лодку, вокруг колышка.

– Пойдем.

Они двинулись по тропинке вверх. Вагр надеялся, что Радмила найдет способ удержать Роарга на острове, а может быть даже и избавить от чар проклятого портрета. Отношение к Радмиле у Вагра было двоякое. Вагр, как человек начитанный, не верил в колдовство. Но, с другой стороны, он неоднократно был свидетелем того, как Радмила излечивала тяжелые раны (и даже смертельные, как в случае с Безымянным), предсказывала погоду, солнечные и лунные затмения (а это уже знания богов) и останавливала взглядом мужчин, которые хотели воспользоваться ей как женщиной без ее согласия. Он считал, что она обладает тайными знаниями, и хотел сам стать их обладателем. Ибо знания, считал Вагр, дороже всех сокровищ. Если у тебя есть знания, – любые сокровища будут твоими. Несколько раз он пытался уговорить Радмилу поделиться с ним тайнами мироздания, но она каждый раз отвечала отказом.

Радмила слышала шаги Вагра и Роарга задолго до того, как они приблизились к хижине. Она даже попыталась пригладить свои спутанные волосы и расправить складки на платье. Когда в дверь постучали, она улыбнулась и пригласила посетителей войти:

– Входи, Роарг. И ты, Вагр.

Друзья вошли. Роарг выглядел несколько смущенным, Вагр хмурился.

– Покажи ей портрет, – сказал Вагр и выразительно посмотрел на Радмилу.

Роарг протянул ей портрет. Радмила взглянула на него, и у нее защемило сердце. Это была она – ведьма с золотыми волосами и зелеными глазами.

– Вас интересуют чары, которые заключены в этом портрете? – спросила Радмила, пытаясь скрыть охватившее ее волнение. Вагр многозначительно кивнул. Радмила приблизила портрет к глазам, а потом отпрянула.

– Тебе не следовало прикасаться к этому портрету, – обратилась она к Роаргу.

Роарг усмехнулся:

– Вагр, тоже смотрел на него.

– Ты касался его? – спросила Радмила Вагра.

– Нет, – ответил Вагр.

– Вот видишь. Он его не трогал. Это очень опасные чары. Хорошо, что вы обратились ко мне вовремя.

Она подошла к костру под жаровней, который, казалось, никогда не затухал.

– Сейчас я все исправлю. Ты увидишь истинное лицо той, которая тебя приворожила.

Она подошла к стене, оторвала немного от пучка странной фиолетовой травы и бросила клочок в огонь. Огонь окрасился фиолетовым и одновременно стал нестерпимо ярким. Радмила быстро забормотала какие-то заклинания.

Роарг не отрывал взгляда от портрета. И тут Радмила швырнула портрет в огонь. Роарг вскрикнул, как будто его ударили кинжалом. Не отдавая себе отчет в своих действиях, он бросился к костру и выхватил портрет из огня, не обращая внимания на жгучую боль.

– Нет! – закричала Радмила.

– Роарг! – попытался остановить его Вагр.

Но было поздно – Роарг уже выбежал из хижины.

– Верни его! – Радмила смотрела на Вагра умоляюще.

Вагр бросился вслед за Роаргом.

Он догнал его уже на берегу. Вагр попытался обхватить товарища руками. Но Роарг ударил его в лицо. Вагр отлетел в сторону, но, помотав головой, низко наклонившись, снова бросился на друга. Он врезался ему головой в живот и свалил его в воду. Они катались в прибрежной воде, пока Роарг не оказался сверху. Он схватил Вагра обеими руками за голову и с силой погрузил ее в воду. Вагр отчаянно отбивался. Его руки мелькали в воздухе, он молотил ими своего противника по спине и бокам. Но Роарг не обращал внимания на град осыпающих его ударов. Когда руки Вагра слабели и безвольно опустились, Роарг рывком вытащил его голову из воды. Глаза Вагра были полны ужаса, он с шумом пытался вдохнуть воздух еще и еще. Роарг отпустил его и встал. Затем пошел к берегу. Он снова подошел к колышку, чтобы отвязать лодку. Перед ним упала тень Вагра. Роарг стремительно разогнулся. Перед ним стол Вагр с обнаженным мечом в руках.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.